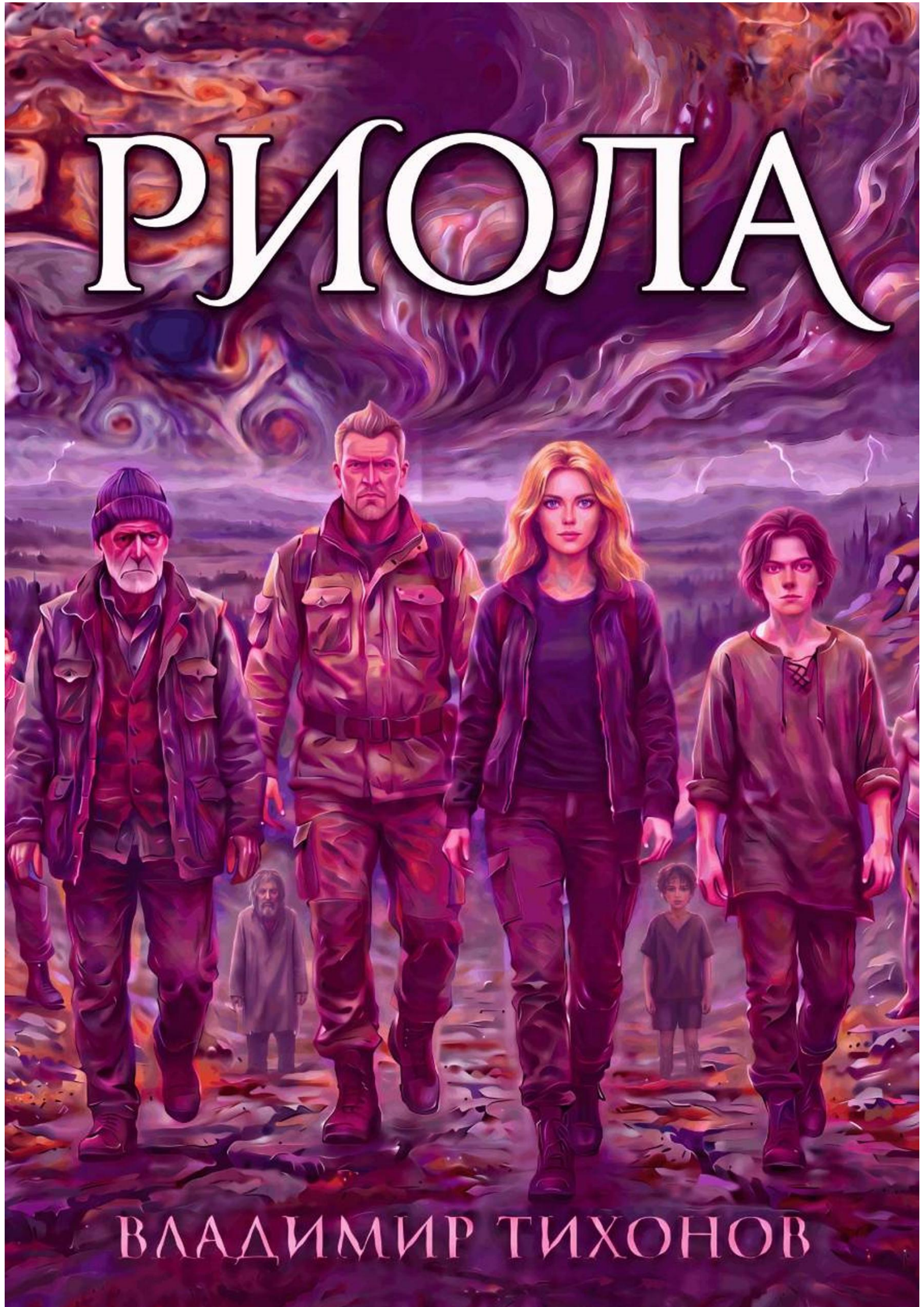

РИОЛА

The poster depicts four characters walking towards the viewer in a dark, desolate landscape. From left to right: an older man with a white beard and a blue beanie in a brown jacket; a man in a military-style olive green uniform; a young woman with long blonde hair in a black jacket; and a young man with dark hair in a grey tunic. In the background, a small figure of an old man and a child are visible. The sky is filled with swirling, colorful clouds in shades of blue, purple, and orange, with lightning bolts. The ground is dark and rocky.

ВЛАДИМИР ТИХОНОВ

Владимир Тихонов

Риола

«Автор»

2026

Тихонов В.

Риола / В. Тихонов — «Автор», 2026

После катастрофы от мира остались разрозненные острова. Между ними простираются Поля Метаморфоз — пространство, где материя меняет форму, расстояния обманывают, а человек рискует утратить не только тело, но и самого себя. Острова ещё дают людям убежище, однако камень под ногами разрушается. Гвард отправляется к Установке, с которой связана надежда на спасение. Вместе с ним в Поля входят старый учёный, юноша, ещё не разучившийся удивляться, и Риола — женщина, чья решимость помогает двигаться дальше, когда опыт и расчёты перестают что-либо значить. Переходя от острова к острову, они встречаются существ, утративших человеческую сущность, и места, где реальность не удерживает постоянной формы. Каждое испытание заставляет их сомневаться: что делает человека собой — тело, память, имя или связь с другими? «Риола» — мрачная постапокалиптическая драма о хрупкости личности, ответственности за другого и надежде в мире, который не обещает сохранить тебя прежним.

© Тихонов В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Тихонов

Риола

Глава 1. Эксперимент.

Темнота вокруг. Не та, что бывает в закрытой комнате, — не ровная, не мёртвая. Эта жила. Давила со всех сторон, как вода на стекло иллюминатора — равномерно, без злобы. У неё были толщина и плотность. Гвард чувствовал её не кожей, а чем-то глубже, под рёбрами, там, куда не добираются ни холод, ни тепло.

В этой густоте угадывалось движение — след чего-то огромного, только что прошедшего рядом.

Щелчок.

Металлический. Короткий. Будто что-то тяжёлое встало на место в невидимом замке. Потом тишина — настоящая, без дна. Затем ещё один щелчок, левее и дальше.

Свет не включился. Он просочился.

Тонкая полоса по краю белой панели. Вторая, параллельная, выше. В полированном металле сбоку вспыхнуло отражение — короткое, как зрачок.

Белые панели уходили вверх, растворяясь в рассеянном свете. Металлические балки пересекались, как рёбра существа, вывернутого наизнанку для изучения. Мостки на разных уровнях. Прозрачные ограждения. Ступени и ряды, теряющиеся в белизне.

Лекторий.

Слово само возникло в голове, сразу став фактом. Так во снах появляются названия — без объяснений.

Гвард скользил взглядом по пространству, не в силах зацепиться за что-либо дольше секунды. Стоило сосредоточиться на детали, как что-то мягко отводило его в сторону. Балка — взгляд соскользнул. Ряд ступеней — ушёл снова.

Он не видел своих рук.

Посмотрел вниз — ничего. Только пространство и пол. Он существовал здесь как взгляд, которому не нужно тело.

В центре зала стояла Установка.

Она была слишком большой, чтобы охватить её целиком. Белые цилиндры в несколько метров диаметром, полупрозрачные стержни, соединённые под углами, которые взгляд не мог определить, стеклянные сегменты с острыми краями. Огромные кольца медленно вращались вокруг общей оси. Почти незаметно.

Внутри пульсировал синий свет.

Не яркий — тяжёлый. Пульсация была неровной, но в ней чувствовалась не поломка, а дыхание.

Люди в зале не двигались.

Сотни, наверное, — все смотрели в одну точку. Гвард видел только спины, затылки и плечи. Светлые ткани, аккуратные линии, ни одной броской детали. Их неподвижность была не напряжённой, а сосредоточенной. Так ждут того, во что давно верят, когда само ожидание становится частью ритуала.

Гвард стоял среди них. Но не с ними.

Между ним и остальными ощущался зазор. Не расстояние — что-то другое.

На возвышении у Установки стоял мужчина.

Высокий, прямой, как конструкция, не способная сгибаться. Белый халат неопределённого назначения словно был сшит для этой фигуры и этого дня. Тёмные волосы убраны назад, ни одной выбившейся пряди. Лицо открытое, резкое, но не злое — лицо человека, у которого давно нет сомнений. Их место занял покой, пугающий своей полнотой.

Он смотрел в зал как на вещь, которая уже принадлежала ему. Не жадно — просто как на факт.

— Сегодня, — произнёс он ровно, без нажима, но голос достиг каждого угла зала, — мы делаем шаг, который навсегда изменит судьбу человечества.

Никакой театральности. Он говорил так, как говорят о расписании, — с той разницей, что верил в каждое слово настолько, что слова не нуждались в интонации.

Гул Установки стал ниже.

Или показалось.

— Мы не просто меняем мир.

Долгая пауза. Зал удерживал её без кашля и шороха.

— Мы возвращаем ему смысл.

Он медленно развёл руки. Жест был не призывом, а утверждением: не «смотрите на меня», а «вот как оно есть». Зал ответил сосредоточенными, тёплыми взглядами.

Гвард попытался посмотреть на мостки, на Установку, куда угодно. Но зал тянул его внимание обратно. Так бывает во сне: взгляд не идёт туда, куда ему не разрешено.

Публика казалась неуместно безупречной. Спокойные лица людей, которым кажется, что мир наконец складывается в правильную картину.

Это не было собранием.

Здесь возникла общность другого рода — люди пришли не потому, что надо, а потому что иначе не могли. Слово «паломничество» появилось в голове Гварда, и он не сумел его отогнать.

— Мы делаем его предсказуемым, — говорил Лектор. — Безопасным.

Точная, выверенная пауза.

— Понятным.

Последнее слово прозвучало тише, почти ласково. От этого стало неприятно. Ласковость не вязалась с масштабом. Он словно говорил о чём-то беспомощном, что нужно успокоить и уложить спать.

По залу прошла едва заметная волна. Женщина в третьем ряду машинально прижала ладонь к груди. Кто-то кивнул. Кто-то улыбнулся с благодарностью человека, чьё долгое ожидание оказалось не напрасным.

Гварда давило не зрелище и не речь, а количество людей, одновременно веривших в одно и то же. Что-то в этом было неправильным, как едва различимый запах, от которого голова начинает болеть раньше, чем понимаешь причину.

Слишком много согласия в одном месте.

— Никакого хаоса. Никакой случайности. Только чистый свет разума.

Синий огонь Установки расширился — не вспышкой, а выдохом. Кольца ускорились.

И тут — тень.

Женщина в первом ряду повернула голову к Лектору. А её тень — нет. На долю секунды осталась смотреть вперёд, затем догнала.

Гвард медленно поднял взгляд.

На мостке стояли несколько человек в тёмном — технический персонал. Один держал планшет. Его пальцы уже коснулись экрана, а кисть всё ещё завершала движение — будто разные части одного жеста существовали в почти совпадающих временных слоях.

Слишком гладко. Слишком чисто.

— Это не разрушение.

Лектор шагнул вперёд. Поверхность платформы отражала свет так чисто, что казалась жидкой.

— Это освобождение.

Аплодисменты поднялись снизу и волной прошли по рядам, пока не охватили весь зал. Гвард смотрел на руки людей и думал, что аплодисменты выглядят одинаково, что бы за ними ни стояло.

Лектор поднял руку.

Аплодисменты оборвались разом. Тишина после них была слишком плотной, слишком послушной. Она не звенела — ждала.

— Риски просчитаны до пятого знака после запятой.

Он произнёс это как результат вычисления. Несколько человек одновременно выдохнули — словно отпустили что-то. Гвард заметил, как разом опустились их плечи.

— Контроль абсолютен.

На дальнем уровне погасла белая полоса. Через секунду загорелась снова.

Никто не повернул голову.

Никто, кроме Гварда.

— Человечество наконец-то станет хозяином собственной реальности.

Синий свет расширился. Кольца вращались уже заметно быстрее. В Установке накапливалось нечто, не имевшее ни звука, ни света, — давление перед грозой.

Кто-то в дальнем ряду начал хлопать раньше времени и осёкся. Один человек, секунда неловкости — и зал на мгновение стал живым. Уязвимым.

Гвард посмотрел туда и увидел ещё один сбой.

В стеклянной панели слева отражался Лектор. Он говорил и жестикулировал, а отражение улыбнулось секунду спустя. Оригинал и копия будто договорились двигаться вместе, но копия не успевала.

Слишком гладко.

Слишком чисто.

Теперь это была мысль, а не ощущение.

— Мы убираем случайность, — говорил Лектор. — Мы убираем страх. Мы убираем саму возможность ошибки.

Зал начал меняться.

Не резко — так проступает давняя перемена, которую до последнего не замечали. По белым панелям прошли едва видимые волны. Металл над головой потускнел. Один из пустых мостков прогнулся на сантиметр и выпрямился.

Синий свет пульсировал.

Раз.

Пауза — чуть длиннее прежней.

Ещё раз.

Гвард всмотрелся в лица. Не похожие — одинаковые. Одно выражение, одинаковый наклон голов. Улыбка женщины в первом ряду держалась дольше, чем должна была, — не замирала и не исчезала, а просто оставалась на лице, как декорация.

Тогда он увидел её.

У нижней панели управления стояла молодая женщина с убранными назад тёмными волосами. Руки зависли над клавиатурой. На лице не было восторга. Она смотрела то в монитор, то на Установку, сравнивая показания. Так смотрят, когда цифры говорят не то, что должны, и ещё не решено, кому верить.

Её пальцы опустились на клавиши.

На долю секунды замерло всё: зал, свет, гул.

Гвард ощутил остановку кожей, которой у него не было.

— Нет, — сказала она. Тихо. Себе. Но в этой послушной тишине тихого не существовало.

Она придвинулась к панели ближе. Наклонилась над экраном, почти уткнулась носом. Пока она читала, из её лица уходил цвет.

— Система, — она запнулась на полуслове, сглотнула, — не подтверждает стабилизацию. Шёпот. Но слова упали отчётливо, как предметы на пол.

Никто не пошевелился.

Лектор не обернулся.

— Показатели расходятся. — Она подняла голову. Посмотрела вверх, на Установку. Долго. В её глазах появилось то, чего не было ни у кого другого в этом зале. — Красная зона.

Установка ответила.

Синий свет внутри дрогнул. На секунду — одну короткую секунду — стал красным. Не снаружи, не в кольцах, не в сегментах — изнутри. Как если бы под поверхностью синевы кто-то провёл раскалённой иглой и убрал её раньше, чем это успело стать по-настоящему видимым.

По залу прошла волна — другая. Не та, от аплодисментов. Эта была неуверенной. Люди ещё не понимали, что именно изменилось, но что-то в их позах сдвинулось. Улыбки замерли на лицах. Глаза слегка округлились. Ещё не испуг — только его первый телесный сигнал.

Лаборантка потянулась к переключателю.

— Не трогайте.

Голос Лектора. Тихий. Ровный. Но в нём теперь была твёрдость, которой раньше не слышалось, — или которая раньше не требовалась.

Она замерла.

Он медленно повернул голову.

Это движение — медленный поворот, без торопливости, без тени раздражения было абсолютно уверенным. Он смотрел на неё как на переменную, уже учтённую в уравнении. Не как на человека, который сказал что-то важное, — как на элемент, который ненадолго вышел из состояния покоя.

— Процедура должна быть завершена.

— Если мы продолжим, система пойдёт в...

Установка издала звук.

Тихий. Очень тонкий — на грани слышимого, почти не звук, а ощущение звука в костях черепа. Так поёт стекло под давлением, когда разрушение ещё не началось, но уже стало неизбежным.

Потом — скачок.

Синий свет рванул вперёд, и весь зал на секунду оказался внутри холодной вспышки. Не горячей — именно холодной, как если бы вместо огня зажгли что-то из металла и воздуха. Свет ударил в глаза — и отступил.

Кто-то вскрикнул. Одиночный, высокий звук.

На верхнем уровне по белой панели побежали трещины. Тонкая сеть, паутина — и тут же исчезла. Как будто их никогда не было. Материал восстановился прежде, чем взгляд успел удержать трещины.

Но по белой поверхности центральной платформы теперь ползла линия.

Красная.

Тонкая.

Живая — именно живая, не нанесённая краской, не техническая разметка, а что-то прорастающее изнутри материала. Как нагретая проволока сквозь воск. Медленно. Неотвратимо.

Лаборантка отступила на шаг. Её каблук коротко стукнул об пол — этот звук Гвард услышал отдельно, отчётливо.

— Система теряет контур.

Её голос был уже другим. Профессионального в нём не осталось. Остался человек, который смотрит на цифры и понимает, что за ними стоит.

— Без паники.

Лектор не повысил голоса, однако зал услышал его так, словно все остальные звуки на мгновение приглушили. Он стоял у самой платформы, заложив руки за спину, и смотрел не на Установку, а на людей.

— Отклонение предусмотрено протоколом.

Внутри Установки что-то сжалось.

Синее свечение отступило к центру, потемнело до густой, почти чернильной синевы. Там, в глубине, зажглась красная точка. Она появилась и исчезла, затем возникла снова — уже в другом месте. Ещё одна вспыхнула рядом. Потом ещё.

Кольца сбились с общего ритма. Внешнее продолжало вращаться плавно, словно ничего не произошло. Среднее ускорялось короткими рывками. Внутреннее остановилось.

На один такт.

На второй.

А потом дёрнулось в обратную сторону.

По рядам прокатился шорох. Не единый, как прежде, а дробный, состоящий из десятков отдельных движений: скрипнуло кресло, кто-то задел соседа локтем, по полу торопливо простучали каблуки. Люди переглядывались, и каждое новое лицо усиливало тревогу на предыдущем.

В первом ряду поднялся мужчина.

Постоял, не решаясь ни уйти, ни сесть, и всё-таки медленно опустился обратно.

Где-то справа продолжали хлопать. Один человек. Ладонь о ладонь — с одинаковым промежутком, упрямо, почти беззвучно. Несколько голов повернулось к нему. Он этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Лектор ждал.

На его лице сохранялось прежнее выражение — спокойное, внимательное, слегка снисходительное. Только возле переносицы обозначилась складка. Тонкая, почти невидимая, но Гвард почему-то смотрел именно на неё.

Не беспокойство.

Досада.

Так смотрят на механизм, который посмел нарушить расчёт.

— Возобновите запись параметров, — произнёс Лектор.

Лаборантка не ответила.

Она быстро касалась клавиш, переходила от одного окна к другому, возвращалась назад. Экран не успевал за её руками. Таблицы вспыхивали и рассыпались, графические кривые обрывались на середине, предупреждения наслаивались друг на друга.

— Вы меня слышите?

— Запись остановлена.

— Запустите повторно.

— Я пытаюсь.

В голосе Лектора впервые появился нажим:

— Не пытайтесь. Запустите.

Лаборантка оторвалась от панели и посмотрела на него. На несколько секунд между ними осталось только гудение Установки.

— Нечего запускать, — сказала она. — Контур больше не отвечает.

Красная точка внутри синего света раскрылась.

Не вспыхнула — именно раскрылась, как зрачок.

Глубина Установки мгновенно окрасилась багровым. Синева ещё держалась по краям, но уже не светила сама: её теснило изнутри, выдавливало к прозрачным стенкам. Через секунду красное заполнило всё.

Никакого перехода.

Только синий свет — и сразу другой.

Люди ахнули почти одновременно. Несколько человек вскочили. Кто-то выкрикнул вопрос, но окончание фразы утонуло в резком металлическом ударе.

Внутреннее кольцо сорвалось с фиксатора.

Оно сместилось всего на несколько сантиметров, однако вся конструкция вздрогнула, будто этого хватило, чтобы лишить её равновесия. По прозрачному сегменту пробежала белая трещина. Достигла края. Исчезла.

Трещина появилась снова — уже на соседней панели.

— Отключайте! — крикнула Лаборантка.

Лектор повернулся к ней.

Медленно.

— Процедура продолжается.

— Она не продолжается. Она разваливается.

Последнее слово прозвучало слишком громко. Зал услышал его, понял — и перестал быть залом. Прежний порядок исчез: люди поднимались, тянулись к проходам, звали охрану, требовали открыть двери. Одни ещё пытались сохранить достоинство, другие уже толкали тех, кто оказался впереди.

В этот момент звук изменился.

Гул не усилился — он потерял устойчивость. Сначала дрогнул, затем раздвоился. Один тон остался низким, почти неслышным; второй начал медленно подниматься, становясь всё тоньше. Они не совпадали, сталкивались друг с другом и заставляли воздух вибрировать.

Звуки отделились от своих причин. Чей-то крик продолжался после того, как рот уже закрылся. Топот отставал от шагов. Кресло ударилось о пол прежде, чем начало падать.

Гвард видел всё это одновременно.

И понимал: Установка больше не просто выходит из строя.

Она меняет то, внутри чего ломается.

Красный свет дрогнул.

По залу прошла рябь.

Не по стенам, не по полу — по самому расстоянию. Люди у дальнего выхода на мгновение оказались ближе, чем стоявшие в первых рядах. Их лица увеличились, проступили с невозможной отчётливостью, а затем отпрянули назад и стали крошечными.

Женщина в светлом платье бросилась к проходу. Сделала три шага и снова оказалась у своего кресла.

Она замерла.

Посмотрела под ноги, потом на выход и побежала быстрее. Её плечи расталкивали людей, каблучки скользили по гладкому полу. Она миновала первый ряд, второй, третий — и вернулась на прежнее место с другой стороны.

На этот раз она закричала.

Крик возник раньше, чем открылся её рот.

Гвард попытался отступить, но не почувствовал движения. Зал менялся вокруг него, сохраняя его в центре происходящего. Кресла смещались, ряды изгибались, проходы удлинялись и снова сокращались, а он оставался там же — бесплотный, невидимый, прикреплённый к одной точке.

Белые стены начали течь.

Не рушиться, не трескаться — именно течь. Краска сползала вниз тяжёлыми медленными каплями. Охра. Терракота. Цвета, которых здесь никогда не было, — или которые всегда были под белым, просто ждали своего момента.

Запах тоже изменился. Стерильная прохлада исчезла, уступив место сырости, раскалённому металлу и чему-то сладкому, почти цветочному. От этой неуместной сладости происходящее становилось ещё страшнее.

Металл над головой стонал — низко, долго, как будто само пространство давило на него сверху, и он медленно уступал. Что-то упало с верхнего уровня, ударилось о поручень мостка и разлетелось вниз.

Пространство рвалось изнутри — не как при взрыве, а как мокрая бумага под пальцами. Медленно и уже необратимо.

Гвард не двигался.

Он оставался там, где возник, и смотрел. Не мог уйти — и уже не хотел: за секунду до того, как всё окончательно обрушилось, он увидел человека. В дальнем ряду.

Среди тех, кто бежал, толкался, закрывал голову руками. Один — неподвижный. Стоял и смотрел прямо на Гварда.

Не на Установку. Не на Лектора. Не на рушащиеся стены.

На него.

Между ними металась люди, падали обломки, вспыхивал красный свет, но ничто не могло заслонить неподвижную фигуру. Пространство словно само расступалось, сохраняя прямую линию этого взгляда.

В этом взгляде не было страха. Совсем. Там было узнавание — спокойное и несомненное. Как будто этот человек пришёл сюда именно за этим. Убедиться, что Гвард здесь. Увидеть его. Зафиксировать.

Гвард хотел двинуться к нему. Или крикнуть. Или хотя бы понять, кто это.

Холодный свет ударил без предупреждения — резкий, белый, абсолютный. Не как рассвет, не как постепенное проступание. Как щелчок выключателя в тёмной комнате: до — и после, без перехода.

Взгляд того человека пропал вместе со всем остальным.

Белая вспышка — и темнота.

Гвард рывком сел на койке, будто его дёрнули вверх за грудину. Воздух вошёл в лёгкие с хрипом, словно через слой ваты. Покрывало, сброшенное резким движением, змеилось на бетонном полу. На шее толчками билась вена, перегоняя остатки багрового жара в реальность.

Он сидел и не двигался.

Несколько секунд, может, пять, может, десять — он держался за край койки обеими руками и ждал, пока пол под ним перестанет казаться живым. Вибрация из сна ещё гуляла в костях. Потом он понял, что пол стоит. Холодный бетон, неподвижный, реальный. Он медленно разжал пальцы.

Провёл ладонью по лицу. Кожа влажная. Щетина царапнула ладонь. Значит, здесь. Значит, жив.

— Опять, — сказал он тихо, почти беззвучно. Голос был хриплым и пустым, как у человека, которому давно надоело что-то объяснять.

Он опустил взгляд на руки. Сжал кулаки — медленно, с усилием, — потом разжал. Пальцы слушались. Все десять. Он здесь. И этого уже было достаточно.

Встал не сразу. Сначала просто сидел — позвоночник ныл, шея затекла так, будто он всю ночь держал что-то тяжёлое. Потом поднялся, пересёк три шага комнаты и остановился у окна.

Стекло толстое, армированное, с тонкой металлической сеткой внутри — она чуть искажала картинку, делила небо на мелкие клетки. Но то, что было за стеклом, никакая сетка не могла упорядочить.

Метаморфозы занимали всё.

От горизонта до горизонта, от одного края неба до другого — сплошная кипящая масса. Густые мазки охры и терракоты, мутно-белые прожилки, которые тянулись сквозь них и таяли,

не успев сложиться в форму. То были не тучи и не дым. Скорее краска, брошенная в воду, — только в масштабе неба, и никакой воды под ней не было. Всё это медленно перетекало, перестраивалось, сминалось и снова расходилось. Солнца не было. Оно исчезло вместе со старым небом, вместе со старым миром — после того, что случилось в том зале.

Наяву Гвард не мог вспомнить это как цельное событие. Оставалось только знание — острое, как осколок: его не трогаешь, но чувствуешь, стоит повернуться не так.

Слева, у самого края обзора, угадывалась граница Острова — тонкая мерцающая полоса там, где скала обрывалась и начиналось живое ничто. Она пульсировала. Медленно, почти неуловимо — вдох, выдох, вдох, выдох. Гвард смотрел на неё не первый год, и каждый раз она напоминала ему о том, насколько тонкая плёнка отделяет этот клочок камня от остального. Пузырь держал. Пока держал.

Вдалеке, глубоко в Метаморфозах, молния рванула пространство без звука. Просто вспыхнула — багровая, неровная — и погасла. Гвард машинально начал считать. Раз. Два. Три. На четвёртой секунде стекло едва заметно задребезжало под ладонями — тихий, почти неслышный звон. Гром добирался сюда медленно и слабел в пути, будто расстояние его пережёвывало. Ещё одна вещь, которая здесь работала не так, как должна.

Он прижал обе ладони к стеклу плотнее. Холод обжёг сразу, резко — хорошо. Он стоял и смотрел, как охра плавно поглощает белые прожилки, как пласты цвета съезжают друг относительно друга, и пытался найти в этом хоть что-то, похожее на порядок. Когда-то ему говорили, что логика там есть. Что это не хаос, а система, просто незнакомая. Теперь он знал: это не система. Это насмешка над системой.

Сейчас он просто смотрел.

Ощущение жара на кончиках пальцев не прошло. Оно пришло из сна — из того момента, когда синий свет сменился багровым. Гвард убрал руки от стекла и сунул их в карманы брюк. Глубоко, до упора.

Он отвернулся от окна.

Комната встретила его привычным молчанием: узкая койка, стол, два табурета — второй всегда пустовал.

Шкаф у стены с облупившейся краской на петлях. Всё крепкое, всё без лишнего. Здесь не жили — здесь существовали, и разница была принципиальной.

Он задел локтем металлическую кружку на краю стола. Она упала, звякнула и покати-лась по полу — глухо, как-то неправильно, будто звук вышел с задержкой или потерял что-то в дороге. Гвард не обернулся. Этот звук был ничем после того грохота, который ещё стоял внутри.

Подожёл к шкафу. Открыл.

Куртка висела на одном крючке — плотная, с угловатыми наплечниками, потёртая по швам там, где её носили долго и всерьёз. Он снял её и начал проверять. Методично, без спешки — правый шов от плеча до подмышки, левый шов, молния на нагрудном кармане, накладки на плечах. Потянул — держит. Он делал это каждое утро, и не потому, что что-то когда-то рвалось. Просто руки должны были чем-то заняться. Пока руки работают — голова не уходит обратно в тот зал, где стены текли, а люди кричали и не успевали добежать до дверей.

За окном Метаморфозы перетекали дальше. Им не было дела ни до него, ни до Острова, ни до того мгновения в зале, после которого старого мира не стало. Равнодушие такого масштаба действовало почти как успокоение.

Потом снова сверкнуло — далеко, в самой гуще охры. Багровый свет на секунду залил комнату через армированное стекло и бросил его тень на стену — огромную, сгорбленную, с размытыми краями. Тень исчезла раньше, чем он успел её разглядеть.

Закончив проверку, Гвард положил куртку на койку. День начинался.

Кружка лежала на боку у ножки стола. Он поднял её, поставил обратно. Внутри было пусто — он не помнил, когда последний раз пил что-то горячее с утра. Обычно не хотелось.

В углу, за узкой дверью, была ниша с умывальником. Только холодная вода. Он открыл кран, подождал секунду, хотя знал, что теплее не станет, и сунул лицо под струю. Вода ударила резко, почти больно. Он держал так — пять секунд, десять, пока не перестал чувствовать жар на скулах. Потом выпрямился и посмотрел в металлическое зеркало над раковиной.

Зеркало было старое, чуть мутное, с тёмными пятнами по углам. В мутном металле лицо казалось серее и старше. Светлые волосы намокли и прилипли ко лбу — он зачесал их назад одним движением. Бородка отросла неровно. Скулы обозначились резче, чем должны были, — он заметил это без особого интереса, как замечают погоду: есть, и ладно.

Он вышел из умывальной ниши и подошёл к столу. Сел на табурет. Поставил перед собой кружку, хотя наливать в неё было нечего, — просто что-то должно было стоять перед руками, пока он сидел и не двигался.

Холодная вода смыла пот, но не сон. Лекторий возвращался обрывками: синий свет, багровая вспышка, уходящий из-под ног пол. самого главного память не сохранила. Каждое пробуждение достраивало случившееся по-новому — и ни одна версия не казалась полной.

Он давно перестал считать, сколько раз видел этот сон.

Гвард поставил локти на стол. Сцепил пальцы. Смотрел в стену.

За окном беззвучно сверкнуло снова.

Он встал раньше, чем принял какое-то решение, — просто тело поднялось, потому что сидеть было хуже. Надел куртку. Затянул широкий пояс, проверил металлические крюки и накладки на плечах ещё раз — уже не из необходимости, а по привычке, которая давно стала ритуалом. Высокие сапоги зашнуровал снизу вверх, слой за слоем, не торопясь.

Пока руки работали, в голове было тихо.

Он подошёл к двери, взялся за ручку — и на секунду остановился. Овернулся.

Комната смотрела на него пустыми стенами. Койка, стол, кружка у самого края — он снова поставил её туда, откуда недавно смахнул. Шкаф с облупленными петлями. Три шага в ширину, четыре в длину. Всё его, и ничего лишнего.

В окне — Метаморфозы. За эти двадцать минут они успели перемениться десятки раз и всё же остались прежними. Охра, терракота, молочные прожилки, медленное перетекание из одной формы в другую. Граница Острова пульсировала там, где скала обрывалась в живое ничто. Вдох. Выдох.

Он повернулся обратно к двери и открыл её.

Холодный воздух ударил в лицо сразу, без предупреждения — здесь он всегда был холоднее, чем в комнате, и всегда пах одинаково: камнем, металлом и чем-то чуть кислым, что Гвард давно перестал замечать, пока не возвращался из-за пределов Острова. Тогда этот запах бил в нос особенно резко.

Сегодня к привычной кислинке примешивался запах озона. Гвард задержался на пороге. Гроза была далеко.

Он вышел и закрыл дверь за собой.

Жар на кончиках пальцев всё ещё не прошёл. Он убрал руки в карманы и пошёл дальше — ровно, без спешки, как человек, который знает, куда идёт, даже если на самом деле просто идёт.

Глава 2. Ориентир.

К общему костру Гвард пришёл затемно. К рассвету он всё ещё сидел на прежнем месте.

Свет проступал медленно: сначала побледнело марево, затем из него начала уходить тьма. Чёткой линии, отделяющей небо от земли, здесь не существовало.

Там, где заканчивался остров, начиналось что-то иное: колышущееся, живое, ни на секунду не замирающее. Охра перетекала в терракоту, а дальше начиналась молочная белизна — не туман, а будто само пространство теряло форму. Пульсация шла волнами, и, если смотреть долго, казалось, что это остров двигается, а не окружающие его поля Метаморфоз.

Остров висел в этом мареве, как отколовшийся кусок старой Земли. Небольшой — если считать только твёрдое, надёжное. Если с обломками бетона у северного края, которые уже наполовину ушли в зону нестабильности и формально островом не считались, — чуть больше. Бетон, щебень, влажный камень, ржавая арматура, торчащая из стен под разными углами. Всё это было здесь давно. Дольше, чем большинство людей, которые на нём жили.

Жизнь на острове подчинялась механическому, рутинному циклу выживания. Не потому, что кто-то так решил, — просто иначе не получалось. Хаос за границей стабильности не давал расслабиться ни на день. Стены трескались — их чинили. Вода заканчивалась — её искали. Еды не хватало — собирали, что было. И снова по кругу, с утра до темноты, и темнота здесь тоже была не совсем темнотой — марево за границей светилось слабо, фосфоресцирующим, нездоровым светом, который не давал глазам отдохнуть.

Группа мужчин чинила трещину в бетонной стене убежища — методично, без разговоров. Вгоняли ржавые прутья в расщелины и заливали чем-то серым, что не было настоящим раствором, но держало. Может быть, до завтра. Может быть, дольше. Не угадаешь. Две женщины собирали мох с влажных камней у северного края — там, где граница стабильности пульсировала ближе всего и камни постоянно покрывались влагой неизвестного происхождения. Мох был фосфоресцирующим, слабо зеленоватым, едва заметно светился даже сейчас, при рассвете. Его можно было есть, если долго варить.

Гвард сидел у костра.

Костёр был небольшой — сложен из обломков неизвестного полимера и сухого мха, горел без дыма и почти без запаха. Пламя было синим — густым, ровным, без привычных жёлтых краёв. Оно не походило ни на один огонь, который Гвард помнил, и объяснений этому здесь давно никто не искал. Вопросов было слишком много, ответов слишком мало; приходилось выбирать, на что тратить голову. Синие искры поднимались до одной и той же высоты и исчезали, словно упирались в невидимую границу. Не падали. Просто растворялись на полпути — как будто воздух выше определённой высоты был устроен иначе и не пускал их дальше.

В синем свете лицо Гварда казалось жёстче: скулы выступали резче, светлые волосы отливали серым. Он сидел, подавшись вперёд, положив локти на колени. Его неподвижность не была покоем — скорее усилием, которым всё движение удерживалось внутри.

Он спал, но не отдохнул.

Прут лежал у его ног. На один конец длинного металлического прута была намотана полоса плотной ткани — самодельная рукоять. В руке он ощущался правильно: не слишком лёгким и не слишком тяжёлым.

Он нашёл прут во время одного из переходов и с тех пор носил с собой. Иногда доставал без всякой необходимости — только чтобы почувствовать в ладони предсказуемый вес. Среди Метаморфоз этого было достаточно, чтобы не выбрасывать вещь.

За его спиной шумел утренний остров.

Удары арматуры о бетон у западной стены. Тихое, ритмичное шарканье — женщины у северного края продолжали собирать мох. Плеск воды — парень с ведром добрался до приёмной ёмкости и выливал. Потом — шаги. Его шаги. Обратно, к фильтру. Пустое ведро звякало о край камня.

Гвард взял прут и пошевелил угли.

Синие искры взлетели вверх и растворились. Как всегда.

Он опустил прут и снова замер.

Шаги за спиной.

Тяжёлые, размеренные — не как у парня с ведром и не как у женщин у стены. Так шёл человек, давно отвыкший торопиться и разучившийся бояться расстояний.

Гвард услышал их ещё издали и не обернулся. Слушал, как они приближаются, как замедляются, огибая костёр, как останавливаются напротив.

Скрип бетонного блока — человек сел.

Гвард поднял взгляд.

Старик был сух и жилист, с обветренным лицом и неровно подстриженной седой бородой. Тёмная вязаная шапка, мех на плечах, потёртая многослойная одежда. Из-под рукава выглядывала полоска светлой ткани неизвестного кроя. Но спину он держал прямо и без усилия — так, словно когда-то привык стоять перед аудиторией.

Глаза у него были холодными и пронзительными. Взгляд человека, который смотрит на вещи дольше, чем другие, и замечает в них то, что другие не видят или предпочитают не замечать.

— Здравствуй, странник, — сказал он.

Голос — низкий, чуть хрипловатый. Без интонации приветствия. Без вопросительной окраски.

Гвард смотрел на него несколько секунд. Потом медленно, как человек, который не торопится с ответами:

— Здравствуй, дед.

Пауза.

— Меня зовут Гвард.

Старик качнул уголком рта. Не улыбка — что-то на её дальней границе.

— Я знаю.

Он потянулся в карман. Достал кусок сухого корня. Начал его вертеть в пальцах — указательный и большой, монотонное вращение. Не жевал, не ломал. Просто вертел.

— А меня зовут Сколар.

Гвард кивнул. Имя он слышал — краем уха, от кого-то из общины. Старик появился здесь не вчера, держался в стороне, задавал слишком точные вопросы и иногда давал советы, которых у него не просили. Но не всегда они оказывались полезными.

Сколар смотрел в огонь. Молчал несколько секунд, крутя корень в пальцах. Костёр между ними тихо потрескивал. Потом, не меняя тона, не поворачивая головы:

— Как прошло очередное путешествие по полям Метаморфоз?

Гвард взял прут и снова пошевелил угли. Не потому, что нужно, — потому, что руки должны быть чем-то заняты, когда разговариваешь. Синие искры взлетели и растворились на полпути.

— Безрезультатно.

Сколар не удивился. Не кивнул сочувственно. Продолжал вертеть корень. Принял ответ как ещё один факт.

Костёр потрескивал. Мимо них прошли двое с носилками — тащили тяжёлые ёмкости с водой, двигались быстро, суетливо, голов не поднимали. В сторону Метаморфоз не смотрели: взгляд чуть ниже горизонта, туда, где есть только камень и земля и где не нужно думать о том, что там, за краем. Привычка, вьёвшаяся глубже сознательного.

— Я слышал, — произнёс Сколар, — ты кричал во сне.

Что-то в пальцах Гварда изменилось. Он сжал прут — не резко, не демонстративно. Просто пальцы сжались сами. Потом медленно разжались, по одному. Его взгляд не ушёл от огня. Он смотрел в синее пламя и молчал секунды три, четыре.

— Мне снова снился Эксперимент, — сказал он наконец.

Голос ровный. Без надрыва, без жалости к себе.

Сколар поднял взгляд от корня. Впервые за весь разговор что-то изменилось в его лице — едва заметно, на мгновение.

— Ты был там?

Гвард поднял глаза. В них была усталость — глубокая, хроническая, та, которую не лечит сон.

— Я был внутри. И знал, что мог всё остановить, но не остановил.

Произнёс это ровно. Как факт.

— Хуже того — кажется, я помог этому случиться.

Сколар смотрел на него. Не перебивал, не подгонял. Слушал с тем особым вниманием, которое бывает у людей, давно умеющих слушать, — без готовых ответов, без желания поскорее перейти к своему.

— Ты это помнишь или только видишь во сне?

— Не знаю. Но каждый раз это ощущается как память.

Гвард наконец отвёл взгляд от огня. Посмотрел на старика прямо, без объяснений и без оправданий. Просто — вот как оно есть.

— И это мучает меня. Поэтому я хожу в поля в надежде найти и уничтожить Установку, вместо того чтобы обустриваться и работать, как все нормальные люди.

Он кивнул в сторону.

У восточной стены женщина поставила ведро и замерла. Не от усталости: она стояла прямо, руки опущены, голова чуть наклонена. Слушала. Не разговор у костра — что-то другое. Что-то, идущее со стороны границы, не от ветра. Оттуда. Простояла секунду, может, чуть дольше. Потом снова взялась за дело. Лицо не изменилось. Ни слова, ни жеста — просто продолжила.

Сколар проследил за взглядом Гварда. Потом вернулся к нему.

— А что тебе мешает достичь этой цели?

Гвард опустил прут на колено. Подался чуть вперёд — локти на бёдра, пальцы переплетены.

— Направление. Я могу ходить кругами вокруг острова вечно. Но Установка может быть за десять переходов отсюда, а может — за сотню. Я не знаю, где находится центр Эксперимента.

Сколар вертел корень в пальцах. Слушал, не перебивая.

— Но до ближайшего острова ты добирался?

— До нескольких. — Гвард выпрямился. — Но вокруг каждого ещё пять или десять, и они постоянно меняются местами. Бесконечное число вариантов. Если уйти слишком далеко — обратной дороги нет.

Он замолчал. Смотрел в огонь. Синее пламя отражалось в его глазах.

— Так вот почему ты всегда возвращаешься.

Сколар произнёс это утвердительно, без вопроса.

— Значит, ты не боишься идти дальше. Ты боишься не вернуться.

Гвард не ответил. Не возразил и не согласился. Просто смотрел в огонь. Что-то в его лице стало жёстче — не злость, не обида. Что-то похожее на то, когда слово попадает точно в то место, куда не хочется смотреть.

Мимо них неподалёку мужчина поднял с земли тяжёлый камень. Осмотрел, проверил, кивнул сам себе — и положил в стопку. Без пауз, без разговоров. Методично.

— Твоя беда не в том, «как» идти, Гвард, — сказал Сколар. — А в том — «куда».

Костёр потрескивал. Где-то рядом капля воды упала и разбилась о камень — один звук, чистый, короткий.

Старик помолчал.

— Ты ищешь Установку, — произнёс он. — Но блуждаешь по кругу. Я стар. Я не боец. Но я тоже хочу, чтобы этот Эксперимент завершился.

Гвард смотрел в огонь.

— Я не знаю дороги, — сказал Сколар. — Потому что ни одна дорога там не сохраняется.

Гвард поднял голову.

— Но есть ориентир, который Метаморфозы не могут сдвинуть. По нему можно найти центр Эксперимента.

Гвард вскинул голову раньше, чем успел сдержаться. Посмотрел на старика с острым недоверием, под которым уже пробивалась надежда — слишком отчаянная, чтобы он позволил ей появиться на лице.

Пальцы сжались в кулак. Разжались. Снова сжались — медленно, по одному, как будто он проверял, что руки на месте, что это не продолжение сна.

— Ты бредишь, старик.

Сколар не отреагировал на грубость. Ни мышцей, ни взглядом, ни паузой. Как человек, которого давно не задевают слова, потому что за годы слышал и хуже. Он медленно одёрнул край куртки — точным, почти церемониальным жестом. Будто возвращал себе что-то позабытое. Осанку. Строгость человека, привыкшего, чтобы его слушали.

— Слушай.

Пауза.

Капля ударилась о камень и рассыпалась слишком отчётливым звуком.

Сколар заговорил иначе.

Не своим обычным голосом — или тем же, но в другом регистре. Тем, который, наверное, когда-то звучал в аудиториях, в белых залах с флуоресцентным светом, перед людьми, которые записывали каждое слово. Ровно, слово за словом, с расстановкой, как человек, который про-износит текст, выученный давно и намертво, — голос звенел тихо и твёрдо, как сталь о камень:

— Никакого хаоса. Никакой случайности. Только чистый свет разума.

Гвард не шевельнулся.

За его спиной оборвался стук арматуры. Кто-то перестал шаркать по камню. На одно короткое мгновение Остров притих, словно слова Сколара узнали не только люди.

Потом снова всё двинулось вперёд, как ни в чём не бывало. Работа продолжилась. Но что-то изменилось в воздухе — едва уловимо, как изменяется давление перед бурей.

Кровь отлила от лица Гварда.

Физически — как резкое похолодание под кожей, от висков вниз, к шее, к груди. Он подался вперёд рывком и тут же поймал себя, откинулся назад. Стиснул зубы. Пальцы его сжали прут так, что побелели костяшки.

— Откуда, — сказал он тихо. Почти без голоса. Шёпот с давлением внутри, как вода под тонким льдом. — Откуда ты взял эти слова?

Сколар смотрел на него. Спокойно. Его голос вернулся в обычный регистр — сухой, негромкий, без театральности.

— Я слышал эти слова там, в зале. До того, как Установка разорвала мир.

Рука Гварда дёрнулась — схватить старика за плечо, встряхнуть, вытрясти продолжение. Он видел это движение со стороны, как чужое. В последний момент опустил руку. Она легла на колено, сжатая, неподвижная.

— Говори. — Тихо, но с давлением под каждым словом. — Где это место? Куда мне идти, чтобы всё прекратилось?

Сколар помолчал. Одну секунду. Две.

— Пойдёшь со мной — покажу путь. Один я через поля Метаморфоз не пройду.

За их спинами двое рабочих тащили тяжёлую каменную плиту. Большую — они оба выдыхали с усилием, переставляли ноги осторожно. Один споткнулся. Плита сорвалась и упала на камни с тяжёлым скрежетом — и звук остался в воздухе. Завис. Растянулся на полсекунды дольше, чем должен был, потом всё же ушёл — вязко, нехотя, как смола с холодного камня.

Гвард смотрел на старика. Оценивающе, без симпатии и без жалости. Сухие руки, тонкие запястья, колени, которые уже дают о себе знать, — это угадывалось по тому, как он сидел, чуть перенёс вес на правую сторону. Возраст, который не прячется. Поля Метаморфоз стирали людей и покрепче. Гвард видел это сам, не понаслышке.

— Поля сожрут тебя, старик. — Он не смягчал. — Ты не выдержишь. А я не собираюсь тебя тащить.

Сколар принял это без возражений. Ждал, пока он закончит.

— Тебе нужна дорога...

Произнёс это без интонации торга. Как уравнение. Как то, что существует независимо от чьего-либо желания или нежелания.

— Мне — человек, рядом с которым я по ней дойду... И ориентир к Установке известен только мне.

Сколар всматривался в лицо Гварда — не в глаза, чуть глубже. Всматривался. Или проверял, есть ли то, что нужно.

— Так что скажешь, одержимый? Справишься с такой ответственностью?

На последнем слове — сухость. Едва уловимая, как трещина в камне: снаружи не видно, но если надавить — слышно. Не издевательство. Просто старик давно привык к точности формулировок и слово «одержимый» выбрал намеренно.

Гвард не ответил сразу.

Он отвёл взгляд в сторону. Посмотрел на остров — на работу, которая не прекращалась ни на минуту. Женщина заканчивала чинить крышу из обломков плит: укладывала последний кусок, проверяла руками, нажимала — держит. Мужчина с камнями работал без пауз, создавал барьер у края, который должен был задержать волну, если граница прорвётся раньше, чем рассчитывали. Всё это — молча. Со знакомой, ввевшейся точностью людей, которые делают одно и то же много дней подряд и знают: остановятся — всё рухнет. Не завтра. Может, послезавтра. Но рухнет.

Гвард смотрел на них долго. Что-то в его лице стало тяжелее — не злость, не жалость. Что-то, у чего нет одного слова.

— Мы пойдём, — сказал он.

Сколар кивнул.

— Хорошо. — Небольшая пауза. — Первым делом нам нужно обратиться к местной общине.

Гвард нахмурился — не резко, едва заметно. Складка между бровями.

— Зачем нам эти люди? — В голосе не было презрения. Усталость от лишних шагов. — Они выживают, как могут. Пусть живут своей жизнью.

— Пусть помогут общему делу, — сказал Сколар ровно. — Даже если с нами не пойдут — дадут припасы, инструменты. И нам нужен носильщик. Кто-то, кто возьмёт на себя груз, пока мы идём, чтобы мы могли сосредоточиться на дороге.

Гвард смотрел на старика. Молча. Что-то менялось в этом взгляде — постепенно, пока он смотрел. Как будто он видел его сейчас не так, как несколько минут назад. Не старика у чужого костра. Что-то другое. Человека, который думает дальше, чем говорит, и говорит только то, что уже продумал.

— Хорошо, — сказал Гвард. — Поговорим с ними.

Они встали от костра.

Сколар поднялся медленнее — с усилием, которое постарался скрыть и не скрыл до конца. Колени. Гвард заметил и ничего не сказал.

Прежде чем шагнуть, он нагнулся. Поднял прут с земли. Сжал в ладони, проверяя баланс — как всегда. Пару раз рассёк воздух коротким скупым движением. Тихий свист — чистый,

ровный. Сунул прут за пояс, под металлические крюки, и сделал первый шаг следом за Сколаром.

Их шаги были тяжёлыми, но с ритмом.

Они шли мимо рабочих к площадке совета общины.

Один из них поднял голову — коротко, рефлекторно. Взгляд упал на металлический прут за поясом Гварда и задержался на миг. Рука мужчины скользнула вниз — быстро, раньше, чем включилась мысль, — и короткий обломок арматуры исчез под краем ткани. Мужчина опустил глаза. Снова взялся за своё. Как будто ничего не было.

Инстинкт самосохранения работает быстрее мысли. Здесь это знали все.

Гвард почувствовал этот взгляд — периферией, изменением веса воздуха. Не обернулся. Лицо осталось ровным. Каменная маска вернулась на место — туда, где она и была весь этот разговор, кроме нескольких секунд, которые он предпочёл бы забыть.

Они прошли дальше.

Беззвучная молния вдали разорвала пространство — не сверкнула, не громыкнула. Просто разорвала, как рвут ткань, и сошлась снова. Ни звука. Только свет на долю секунды другой — и потом всё как прежде.

Рабочие у стены перестали стучать арматурой.

Наступила тишина — резкая, звенящая. Та, которая бывает, когда всё вокруг вдруг замирает без видимой причины, будто реальность на секунду забыла, что должна двигаться дальше. Или вспомнила что-то, о чём обычно не думает.

Женщина, закончившая чинить крышу, так и осталась стоять — камень в руке, взгляд вслед двум фигурам, идущим мимо. Она не опустила камень. Смотрела — с тем выражением, которое бывает, когда ещё не знаешь, хорошее это или плохое, но чувствуешь: что-то изменилось. Воздух стал чуть плотнее. Как перед грозой — только гроз здесь давно не было. Было другое. То, у чего нет слова в старых словарях.

Потом молотки снова застучали. Женщина опустила камень и положила его на место. Рабочие у стены вернулись к работе. Остров продолжал жить — как жил всегда: методично, молча, с привычной точностью людей, у которых нет другого выбора.

Они вышли на площадку совета общины и остановились. Гвард долго смотрел на движения узоров Метаморфоз. Потом перевёл взгляд на Сколара.

Старик стоял рядом. Прямо, несмотря на колени. Смотрел туда же — спокойно, без страха и без воодушевления. Как смотрит человек, который принял решение давно, ещё до того, как оно стало выглядеть как решение. Корень всё ещё был у него в пальцах.

Гвард отвернулся и снова посмотрел в поля Метаморфоз.

Там, за бесчисленными переходами и смещающимися островами, за охрой и терракотой, за молчаливыми молниями и нестабильной топографией — было место, где всё началось. Он не знал, как оно выглядит на самом деле. Он видел его только во сне. И во сне оно всегда было белым залом с режущим светом и голосом, который он знал наизусть, хотя никогда не слышал его наяву.

Никакого хаоса. Никакой случайности. Только чистый свет разума.

Глава 3. Совет.

Рассвет вступил в силу, но теплее не стало.

Ночь отступила только формально. Её синева выцвела между обломками, а холод, накопленный камнем, остался и теперь поднимался от земли, проходил сквозь подошвы и одежду. Обычно рассвет давал хотя бы краткую уверенность, что мир снова запущен и ещё какое-то время будет двигаться по знакомым правилам. Здесь свет лишь обнаруживал то, что ночь позволяла не видеть.

Он был мутным, серым, с охристым оттенком — будто его цедили через ту же ткань, которой очищали воду. Под ним проступали бетонные обломки, ржавая арматура, натянутые между балками тросы и крыши, залатанные мхом и старым железом.

На острове почти не осталось вещей, не тронутых руками. Камень становился подпоркой или частью стены. Металл выпрямляли, точили, сгибали и привязывали туда, где он мог продлить жизнь чему-то другому. Мусора здесь не существовало — были только вещи, которым ещё не нашли нового назначения.

Лёгкий ветер гулял по острову. Он пах озоном и старой медью. Запах оставался привычным, поэтому люди не закрывали лица.

Площадка Совета была устроена просто, без украшений и лишних жестов: круг из бетонных блоков, несколько вкопанных балоков, старая металлическая плита вместо стола.

Плита когда-то служила чем-то другим — может, перекрытием, может, дверью, — теперь же на ней лежали камни для голосования, светлые и тёмные. Рядом — чертежи укреплений, прижатые обломком кирпича, чтобы не унесло ветром, связки высушенного мха, мотки проволоки, грубые инструменты с обмотанными тряпьем рукоятями.

На краю плиты виднелись неглубокие зарубки. Их оставляли после особенно тяжёлых решений: короткая линия за каждого человека, которого община отправляла к границе, длинная — за участок, который признавали потерянным. Никто уже не помнил, кто начал вести этот счёт. Зарубки не объясняли и не пересчитывали.

Сюда пришло не больше двадцати человек.

Остальные работали. Их было не видно, но их было слышно: кто-то таскал воду от колодца к крайним домам, и ведра бились о бока водоносов, кто-то чинил стену, и удары молотка доходили сюда приглушёнными, точно через толщу воды, кто-то сушил мох, раскладывая его по серым простыням, и мох под пальцами трещал, как ссохшаяся кожа.

Каждый звук обозначал продолжение жизни. Два удара, пауза, ещё три — каменщик проверял кладку. Скрип, плеск, звон пустого ведра — вода прошла очередной участок пути. Шорох и сухой хруст — мох перебирали, отделяя испорченные волокна. Если какой-нибудь из этих звуков надолго исчезал, кто-то обязательно поворачивал голову. Тишина на острове редко означала покой. Чаще она означала, что работа остановилась.

Те, кто пришёл на площадку, имели право говорить за остальных. Или считали, что имеют. Разница на Совете не всегда была видна.

Это не были сломленные люди. Усталые, крепкие, с руками, привыкшими к весу камня и верёвки. Кожа на костяшках у многих была сбита, ногти обломаны, а под ними — чёрная кайма вьёвшейся земли. Слова здесь стоили дешевле работы, и каждый это знал. Поэтому говорили мало, а слушали ещё меньше.

Одежда на них была разной, но одинаково многослойной: ткань поверх кожи, кожа поверх ткани, металлические пластинки там, где чаще всего цепляла арматура. Всё носило следы починки. Швы шли поверх швов, заплаты перекрывали другие заплаты. Люди выглядели так же, как их дома, — собранными заново из того, что пережило предыдущий день.

Мужчины и женщины стояли полукругом. Впереди — несколько старших.

Марен, широкоплечая женщина лет пятидесяти, с седой прядью у виска, стояла, расставив ноги, как человек, которого нелегко сдвинуть с места. На поясе у неё висели молоток и нож, и то, и другое — с истёртыми рукоятями, в следах ежедневного хвата. Она говорила редко, но её слушали, и это было не страх, а привычка: если Марен открывала рот, значит, пора было открывать уши.

Вокруг её левого запястья был дважды обмотан кожаный ремень. Под ним скрывался старый перелом, который начинал ныть перед изменением плотности воздуха. Иногда Марен узнавала о приближении опасной волны раньше наблюдателей, но никогда не называла это даром. Даров она не признавала.

Торр, каменщик с тяжёлой челюстью, переминался с ноги на ногу. Глаза у него были как у человека, который видел, как рушатся стены, и после этого перестал верить стенам. Руки он держал скрещёнными, и от этого казался ещё шире, чем был.

На правом плече его куртки белела бетонная пыль. Он пришёл прямо от западной кладки и явно собирался вернуться туда сразу после Совета. Торр не любил разговоров, которые нельзя было измерить локтями, взвесить в руках или проверить ударом молотка. Всё, что не поддавалось такой проверке, он заранее считал ненадёжным.

Велка, сухая женщина с обожжёнными руками, стояла чуть в стороне, скрестив руки на груди. Она отвечала за воду и мох, и на неё можно было смотреть, как на весы: что бы ни происходило, она уже знала цену этому. Смотрела на всех так, будто пересчитала каждого — и заранее.

Ожоги на её ладонях были старыми, но на рассвете всегда наливались краснотой. Когда-то фильтр вспыхнул у неё в руках: вода не загорелась, а повела себя так, словно внезапно вспомнила о пламени. Велка выжила, фильтр восстановили, а после этого она перестала доверять даже чистой воде. Каждое ведро проходило через неё не только по списку, но и через взгляд, запах, вес.

Орн, один из лидеров общины, молчал. Лицо у него было иссечено мелкими шрамами — не боевыми, бытовыми, от осколков, от ветра, от работы, от лет, которые здесь шли не людски. Он не был стар, но голос его давно имел вес.

Орн умел молчать так, что другие начинали слышать собственные слова яснее, чем им хотелось. Он не торопил и не подсказывал, не поддерживал кивком. Поэтому рядом с ним даже уверенные люди говорили осторожнее. Сейчас он смотрел на Сколара, но время от времени переводил взгляд на край площадки, где стоял Гвард.

Сбоку, чуть позади взрослых, стоял Джови, молодой парень с пустой корзиной в руках. Он старался казаться просто помощником на подхвате, но взгляд его то и дело возвращался к двоим, которые стояли у края площадки. Он молчал, слушал, запоминал. Пальцы его потирали прутья корзины, и от этого по всей площадке разносился тихий, как дыхание, шорох.

Корзину ему следовало уже отнести к сушильным навесам. Велка дважды взглянула в его сторону, но не прогнала. Возможно, решила, что один пропущенный рейс не изменит дневного запаса. Возможно, хотела, чтобы он сам услышал, чем заканчиваются разговоры о дальних дорогах. Джови делал вид, будто не замечает её взгляда.

У дальнего бетонного блока стояла Риола.

Ей было двадцать пять. Среди обветренных жителей острова она выделялась спокойной осанкой, ясными чертами и почти неподвижным взглядом. Её красота не располагала к близости — скорее заставляла держаться на шаг дальше. Люди украдкой смотрели на неё чаще, чем на других, но редко подходили первыми. Эта красота не была мягкой, не была уютной — в ней было что-то дикое, отстранённое, будто она не вполне принадлежала этой земле, будто её принесло сюда из какого-то другого, не сломленного мира и она до сих пор не решила, уходить или остаться.

Одни считали, что дело было в её глазах, слишком спокойных для человека, выросшего рядом с полями Метаморфоз. Другие — в том, как она двигалась, словно заранее знала, где окажется нога и какой камень выдержит вес. О Риоле говорили редко и вполголоса. О ней шептались, будто она слышит больше, чем показывает, и помнит то, мимо чего проходят остальные.

Риола всегда была сама по себе.

Она стояла чуть в стороне, не рядом ни с кем. На плече — ремень с инструментами, на запястье намотана тонкая медная проволока, потемневшая от пота и времени. Она не вмешивалась. Только наблюдала, и в этом её наблюдении было что-то от птицы, сидящей на ограде и решающей, стоит ли взлетать.

Гвард стоял ближе к краю площадки, неподвижный и молчаливый.

Он чувствовал на себе взгляды, но не отвечал на них. Ему были знакомы и недоверие, и раздражение, и тот особый интерес, с каким люди смотрят на человека, побывавшего там, куда сами они не пойдут. Рассказывать им было бесполезно. Поля Метаморфоз плохо укладывались в слова, а слова, которыми всё-таки удавалось их описать, неизбежно звучали как ложь.

Ветер трогал его волосы, сбивал хохолок на макушке, и тот поднимался, как гребень. Прут за поясом был длинный, тёмный, с зазубриной на конце, и Торр, глянув на него, едва заметно скривился.

Для Торра этот прут был испорченным железом. Из такого куска можно было сделать два крепления, три скобы или несколько крюков для тросов. Гвард видел подобные взгляды и раньше. Каждый раз ему хотелось спросить, сколько скоб способны остановить то, что однажды вышло за границы законов, но он молчал. Совет ещё не начался, а оправдываться он не собирался.

Сколар стоял чуть позади и ждал. Он не переминался, как Торр, не скрещивал рук, как Велка, — просто стоял, сунув пальцы под лохмотья, и смотрел поверх голов, на линию горизонта, будто уже видел там то, о чём собирался говорить.

Наконец он вышел вперёд.

Сколар двигался не как проситель, а как человек, не раз стоявший перед толпой и знавший: первые слова значат меньше, чем пауза после них. Лохмотья висели на нём почти торжественно, как старая форма, утратившая смысл, но не память. Под ними угадывались слои одежды — тёмная куртка с потёртостями, что-то вроде накидки на плечах, — и всё это выглядело так, будто когда-то имело другой цвет, другое назначение, другой мир.

При каждом шаге под одеждой что-то едва слышно позвякивало. Возможно, застёжка, металлический футляр или один из тех бесполезных предметов, которые Сколар таскал с собой годами и никому не показывал.

Некоторые из собравшихся переглянулись. Переглядывались без улыбок, одними глазами, как люди, которые заранее знают, чем закончится разговор.

Торр криво усмехнулся.

— Ну что, Сколар, — сказал он, — опять решил поучить нас, как жить?

Голос у него был низкий, с хрипотцой, как у того, кто много кричал против ветра. Слова он выговаривал лениво, но в них всё равно звенела заноза.

По кругу прошёл сдержанный смехок — короткий, как кашель. Кто-то хмыкнул, кто-то опустил глаза, чтобы не показывать улыбку. Смех этот был не обидный, а какой-то обречённый, будто все уже слышали эту сцену, и она им надоела.

Сколар приходил на Совет и раньше. Иногда предупреждал о смещении границы, иногда просил не разбирать старые механизмы, назначения которых никто не понимал. Порой его советы оказывались полезными, но это не делало его своим. Скорее наоборот: каждый подтвердившийся прогноз напоминал людям, что старик знает нечто, чего не объясняет до конца.

Сколар не отреагировал. Даже не посмотрел на Торра. Он стоял и ждал, пока смех уляжется.

Марен разлепила губы. Губы у неё были сухие, в трещинках, и голос прозвучал негромко, но так, что все разом обернулись к ней:

— Говори, зачем собрал.

Сколар кивнул — не ей одной, всем сразу.

— Вы все знаете, что остров уменьшается.

Никто не ответил.

По восточному краю недавно протянули новую верёвочную линию. Старая провисла над местом, где ещё месяц назад можно было стоять. Теперь под ней медленно ворочалась охристая масса, и дважды в сутки дозорные переносили колышки ближе к центру. Об этом не объявляли. Люди и без объявлений замечали, что путь от стены до колодца стал короче.

Но лица стали жёстче. Это было заметно по скулам, по тому, как несколько человек втянули воздух, по тому, как Велка перехватила свои обожжённые руки повыше, будто ей стало холодно, по тому, как у Торра дрогнул кадык. Не от страха — от того, что правду, сказанную вслух, уже нельзя было сделать неслышной.

Сколар помолчал, давая тишине осесть. Пауза работала на него, медленно, но верно.

— Не сразу, — сказал он. — Не так, чтобы можно было ткнуть пальцем и сказать: вот здесь вчера была земля, а сегодня её нет. Метаморфозы так не работают. Они откусывают по крошке. Размывают края. Меняют плотность. Сдвигают границу. То, что вчера держало вес человека, сегодня уходит из-под ноги. То, что считалось безопасным, начинает пульсировать.

Джови перестал тереть корзину. В памяти у него всплыл участок возле южного навеса, где камень однажды прогнулся под подошвой, как сырое дерево. Ногу он успел отдернуть. Через час поверхность снова затвердела, и старшие велели огородить место. На следующий день верёвка вокруг него провисла в пустоту.

Сколар говорил без жестов, только иногда шевелил пальцами, будто перебирал в воздухе невидимые нити. Слова падали ровно, без надрыва, и от этого было только страшнее.

Марен не двинулась. Она смотрела на него в упор, и взгляд у неё был как дверной засов.

— Это все знают.

— Значит, знаете, что мы не сможем чинить остров вечно.

Молчание стало другим — не тишиной, а чем-то плотным, что давило на уши.

Где-то за спинами, у крайнего дома, скрипнул колодезный ворот — звук тянулся, будто его держали за хвост. Кто-то кашлянул, и этот сухой, короткий звук не растворился в воздухе, а остался висеть, лишний и неуместный.

Сколар обвёл взглядом полукруг. Смотрел он недолго, но каждому казалось, что старик задержался именно на нём.

— Мы можем латать стены, сушить мох, гонять воду через тряпки, песок и уголь, пока она не перестанет светиться. Можем переносить дома от края к центру и делить пайки до последней крошки. Мы сильны в этом. Вы сильны.

На этих словах некоторые чуть изменились в лице. Люди не привыкли слышать похвалу. Однако каждый вспомнил работу, которую сделал накануне: уложенный камень, очищенное ведро, укреплённую крышу. На одно короткое мгновение полукруг перестал быть собранием раздражённых людей и снова стал общиной, сумевшей выжить там, где выживать было нельзя.

— Но сила, направленная только на удержание, когда земля уходит из-под ног, становится не спасением, а отсрочкой.

Торр сжал челюсти так, что на виске вспухла жила.

— Отсрочка лучше смерти.

— Да. Если за отсрочкой следует действие.

Велка тут же шагнула вперёд. Сначала не сказала ни слова — одного движения хватило, чтобы все поняли: сейчас она ответит.

— Действие — это когда я утром поднимаю людей за водой, — сказала она, и голос у неё был сухой, как песок на губах. — Когда насос чинят до крови на пальцах. Когда Марен находит, кем заменить больного. А твоё действие — разговоры у синего костра.

Снова несколько смешков. На этот раз они прозвучали злее, короче, будто кто-то стучал костяшками по бетону. Смеялись не все, но достаточно, чтобы Сколар понял: Велка попала в точку.

Сколар принял удар спокойно. Только веки у него опустились на мгновение, а потом он снова поднял взгляд, и в глазах его не было ни обиды, ни гнева — одна усталая ясность человека, который привык, что его не любят.

— Я знаю, что вы обо мне думаете.

— Конечно, знаешь, — отозвался Торр. — Болтливый старик. Слова ты складываешь ловко. Жаль, очаг так ни разу не сложил. От тебя пылью несёт, Сколаар. Не работой.

Торр говорил не только за себя. На острове помнили, кто помогал вытаскивать людей после проседания северной стены, кто стоял у фильтров во время болезни, кто отдавал свой паёк детям. Сколаара среди них почти не видели. Он появлялся с предупреждениями, исчезал на несколько дней, возвращался с пылью на одежде и новыми словами, которые нельзя было применить к кладке.

Торр перевёл жёсткий взгляд на Гварда, и в этом взгляде не было ни любопытства, ни злобы — только усталое презрение человека, который умеет работать руками и не понимает, почему другие не умеют.

— А ты, — сказал он, — Гвард. Человек-ветер. Ходишь в поля, возвращаешься побитым, приносишь только синяки. К постоянной работе ты не приспособлен. Почему мы должны тратить на вас время?

Люди согласно загудели. Кто-то фыркнул. Гул этот был негромкий, но дружный, как бывает, когда человек говорит вслух то, о чём другие молчали. Гвард не шелохнулся, но Сколаар заметил, как у него напряглась спина под туникой — едва, одними мышцами.

Гвард вспомнил возвращения, после которых не мог разжать пальцы или несколько дней слышал голоса в шуме воды. Он действительно почти ничего не приносил — по крайней мере, ничего, что можно было положить на плиту и предъявить Совету.

— Потому что я знаю, куда идти, — сказал Сколаар, не сбиваясь. — Не слух, не сказку — направление к Центру Эксперимента. А он — единственный ходок, способный провести людей через поля Метаморфоз и вывести их живыми.

Он кивнул на Гварда, и половина голов в полукруге повернулась туда же. Гвард смотрел прямо перед собой, в сторону границы, будто разговор шёл не о нём.

Слово «Центр» изменило выражения нескольких лиц. Одни слышали его впервые, другие — слишком часто, но никто не представлял, что оно означало. Для большинства Эксперимент был названием давней катастрофы, удобным словом для причины всего, что невозможно объяснить. У Сколаара оно прозвучало как название места, до которого действительно можно дойти.

— Не любите нас — имеете право. Но факты от этого не меняются: нам нужны припасы, вода и один носильщик. Взамен у вас появляется надежда остановить сжатие острова.

Торр засмеялся — невесело, одним выдохом, как выпускают пар из клапана.

— Надежда? Да замолчи ты с этой надеждой. Любой, кто пересекал границу больше трёх раз, меняется. А если вы ошибаетесь? А если остров держится на том, что вы собираетесь тронуть? Мы уже видели, как северная глыба ушла вниз. Без трещин. Без крика. Просто перестала держаться.

Никто не смотрел на север. Там ещё оставались обломки построек, которыми никто не пользовался. После исчезновения глыбы край сделался гладким, почти блестящим, словно остров не разрушился, а был ровно отрезан. Двое людей пропали вместе с ним. Их тел не нашли, и у костра лежали только камни с именами.

Последние слова Торр произнёс тише, почти с уважением к тому, что случилось. С полей донёсся низкий гул — не гром, а будто сама земля перевернулась во сне где-то за маревом. Никто не вздрогнул.

— У вас есть право бояться, — сказал Сколаар.

Он произнёс это без насмешки, и от этого стало хуже, чем от любой насмешки. Слова упали в тишину и остались там, как камень, брошенный в пыль.

Торр не сразу нашёлся. Он хотел что-то сказать, уже открыл рот, но вместо слов выдохнул и мотнул головой, будто отгонял муху. Потом всё же ответил, и голос его был ниже прежнего:

— Спасибо за разрешение.

По кругу не засмеялись. На этот раз тишина была другой — не враждебной, а насторожённой.

— Но страх не должен решать вместо разума, — сказал Сколар.

Велка покачала головой. Она не улыбалась. Обожжённые руки её висели вдоль тела, и было видно, что пальцы слегка подрагивают — не от холода, от усталости, которая копится годами и уже не уходит.

— Разум говорит: не трогай то, на чём стоишь.

— Разум говорит: если то, на чём стоишь, тонет — ищи причину.

Между ними возникла короткая пауза, в которой оба утверждения казались одинаково верными. Но остров действительно тонул, и он действительно оставался единственным местом, на котором они могли стоять.

Торр резко выбросил руку, указывая на край острова, где марево уже почти касалось камней. Рука у него была тяжёлая, с обломанными ногтями, и когда он указал, все, даже те, кто не хотел, повернули головы туда же — к охристой, дышащей стене, которая стояла у восточного края, как стоит зверь у изгороди.

— Причина там, — сказал он. — В этом месиве. В земле, которая дышит. В камнях, которые становятся мясом. В воздухе, который звенит перед тем, как разорвать лёгкие. Ты хочешь идти туда. Добровольно. И ещё просишь нас дать тебе людей?

Поля в этот миг будто услышали его. По охристой поверхности прошла тёмная волна, медленная и широкая.

— Не людей. Шанс.

Велка издала короткий звук — не то смешок, не то кашель, и этот звук был суше всего, что она говорила прежде.

— Шанс. Ты говоришь о шансе, как будто мы играем в кости. Мы строим. Мы латаем. Мы держим линию. Это не про шансы. Это про то, чтобы завтра было куда вернуться.

Она говорила быстро, сбивчиво, и было видно, что она не столько убеждает Сколара, сколько пересчитывает всё это для самой себя, вслух, чтобы не сбиться со счёта. Её пальцы шевелились, будто перебирали невидимые узлы — один, второй, третий.

За каждым словом стояло конкретное место. Навес, который просел за ночь. Трещина возле колодца. Запас сухого угля, уменьшившийся быстрее расчётов. Для Сколара всё это было следствиями. Для Велки — утренними задачами, от которых зависело, кто доживёт до следующего утра.

— Держать линию — это важно, — сказал Сколар. — Но линия сжимается. Медленно, но верно. На шаг. На два. Скоро мы будем стоять по колено в хаосе.

Торр хлопнул себя по бедру. Звук вышел плоский, как удар ладонью по сырой глине.

— Старик сказал: все умрём. Давайте дадим ему еды.

Марен подняла руку, не глядя на него.

— Торр.

— А что? Нет, правда. Он ведь к этому ведёт. Мы тут все, оказывается, гниём, а он один нашёл дорогу к спасению.

Гвард слегка повернул голову — совсем чуть, на полпальца. Этого движения не заметил почти никто, но Торр заметил, и по его лицу пробежала тень, как от быстрого облака. Сколар ответил ровно, не повышая голоса:

— Я не говорил, что вы гниёте.

— Пока не говорил.

Гвард знал, что Торр провоцирует не Сколара, а его. Каменщику было проще спорить с человеком, который мог ударить, чем со стариком, отвечавшим только словами. Однако Гвард оставался на месте. Стержень за поясом холодил спину, напоминая о себе при каждом вдохе.

Сколар сделал вдох, длинный, будто набирал воздух для прыжка. Грудь под лохмотьями поднялась и опустилась. Ветер донёс с полей запах озона, и кто-то из стоявших сзади зажал нос — не от вони, а от привычки.

— Я говорил, что вы стоите перед выбором. Либо продолжать укреплять то, что исчезает, либо рискнуть частью сил ради возможности изменить причину.

Велка шагнула ближе, и теперь между ней и Сколаром было не больше трёх шагов. От неё пахло золой и мокрой тканью, и ещё чем-то кислым, как от старых ран.

— Часть сил? У нас нет лишних сил. У нас каждая рука расписана. Каждый инструмент на счету. Каждый кусок мха просушен и записан. Ты заберёшь верёвки — кому-то не хватит на работу. Заберёшь фильтры — кто-то выпьет мутную воду. Заберёшь человека — кто его заменит?

Она знала точные числа. Двадцать семь исправных вёдер. Девять длинных верёвок, из которых две начинали гнить. Четыре запасных фильтрующих полотна. Шесть человек на воде, восемь на укреплениях, остальные — там, где возникнет необходимость. За словами Сколара она видела не путь, а пустые места в этих расчётах.

Она выговаривала каждое слово отдельно, как отрезала, и с каждым словом её голос поднимался, но не срывался — оставался ровным, только становился тоньше, как натянутая до предела струна.

— Вы говорите так, будто порядок, который вы построили, вечен, — сказал Сколар.

Марен выпрямилась. Молоток на её поясе качнулся и ударил по бедру, негромко, как предупреждение.

— Нет. Мы говорим так, будто он наш.

Даже ветер словно задержался между балками. Слово «наш» не требовало объяснений. Оно включало в себя каждую стену, каждый ожог, каждую ночь у границы и каждого человека, чьё имя осталось у костра. Сколар мог говорить о мире. Марен говорила о том немногом, что люди сумели у него отвоевать.

Это был сильный ответ. Даже Сколар не сразу нашёл слова. Он открыл рот, закрыл, провёл языком по губам. Губы у него были бледные, в тонких трещинах, и когда он проводил по ним языком, они на миг темнели. Марен не отводила взгляда.

Она сделала шаг вперёд, и голос её зазвучал ниже, тяжелее, как камень, который положили на плиту.

— Мы этот остров не получили. Мы его выгрызли. И каждый его кусок помнит наши руки. Мы хоронили тех, кто не дожил. Учили детей не смотреть на марево — потому что оно напоминает взгляд. Делили последнюю воду и не убивали друг друга за неё. Ты называешь это отсрочкой. Я называю это домом. И другого у нас нет.

У крайнего блока женщина крепче прижала к себе спящего ребёнка. Один из мужчин опустил глаза на собственные руки. На несколько мгновений каждый увидел остров таким, каким помнил его раньше: шире, целее, с домами, которых больше не было. Дом состоял не только из сохранившегося. Иногда большую его часть составляло утраченное.

Люди одобрительно загнули. Кто-то глухо стукнул кулаком по бетонному блоку. Торр кивнул, не глядя ни на кого, и в этом кивке было больше согласия, чем во всём, что он говорил до сих пор.

Марен продолжала смотреть на Сколара.

— И теперь ты приходишь и говоришь: дайте мне припасы, дайте мне руки, дайте мне право дёрнуть за корень мира. А если корень держит нас?

Сколар выдохнул. На секунду он показался не стариком, а человеком, который долго нёс что-то тяжёлое и только сейчас почувствовал вес. Плечи его опустились, но он не отступил.

— Сколько осталось пригодной почвы? — спросил он, и голос его дрогнул. — Сколько камня ушло с восточного края? Почему вода стала тяжелее? Почему мох светится ярче? Почему дети перестали рождаться здоровыми?

Последний вопрос прошёл через толпу без звука, но люди отшатнулись от него сильнее, чем от крика. На острове не произносили подобное при детях и старались не обсуждать даже у костра. Слишком многие знали маленькие могилы без имён. Слишком многие помнили, как Марен сама относилась к границе завернутые в ткань свёртки.

Он спрашивал не у Совета — у всех сразу. И по тому, как опустились несколько голов, было ясно: ответы у них есть, но их никто не хочет произносить вслух.

Велка резко шагнула к нему.

— Не смей.

Сколар отступил на полшага, поднял ладони — не защищаясь, а будто показывая, что в руках у него ничего нет.

— Я не обвиняю вас. Я говорю: причина не здесь. Не в ваших руках. Не в вашей работе. Вы можете быть сильнейшими людьми из всех, кто выжил, и всё равно проиграть, если будете сражаться только с последствиями.

Велка остановилась. Дышала она часто, ртом, и было видно, как ходят её обожжённые руки — пальцы сжимались и разжимались, будто ей не хватало инструмента, будто ей нужно было что-то чинить прямо сейчас, чтобы не думать о том, что сказал старик.

На правой ладони у неё снова открылась тонкая трещина. Выступила кровь, тёмная в мутном свете, но Велка не заметила. Капля дошла до запястья и остановилась у края рукава.

Орн, всё это время молчавший, поднял на Сколара глаза. Взгляд у него был не быстрый, а долгий, как у человека, который взвешивает не слова, а то, что за ними стоит. Он не торопился, и все почувствовали, что сейчас скажет он, и что это будет не спор, а что-то другое.

— Ты сказал, вам нужен ещё один человек, — проговорил Орн. — Путь знаешь ты. Через поля проведёт он.

Он кивнул в сторону Гварда, и кивок этот был короткий, без уважения и без пренебрежения — просто отметка, как ставят зарубку на доске.

— Для чего вам третий?

Сколар ответил не сразу.

— Нести воду и инструменты. Ставить метки. Подменить одного из нас, если другой не сможет идти.

— Или вынести раненого?

— Если останется кому нести.

Гвард сделал шаг вперёд. Бетон под его ногами не дрогнул, но все услышали этот шаг — как будто он один значил больше, чем весь предыдущий разговор. Люди подобрались. Даже Торр перестал дышать ртом.

До этого мгновения Гвард мог оставаться приложением к словам Сколара, молчаливым доказательством, на которое старик указывал при необходимости. Шаг изменил это. Теперь он сам вошёл в разговор и принял на себя все взгляды, все сомнения и всё раздражение, накопленное на площадке.

Сколар слегка поднял руку, будто хотел удержать его, но Гвард уже не смотрел на него.

Он смотрел на людей.

Ветер прошёлся по площадке, поднял с плиты несколько сухих мшистых нитей и понёс их в сторону полей. Одна нить зацепилась за плечо Сколара и осталась там — белая, светящаяся, как вырванный волос. Он не снял её. Стоял и смотрел, как Гвард набирает воздух.

Гвард заговорил не сразу. Сначала он обвёл их взглядом — медленно, по одному, как будто хотел убедиться, что все слушают. И они слушали. Даже те, кто до этого шептался, затихли. Даже ветер, казалось, умирал напор, чтобы не мешать.

— Граница подходит. — сказал Гвард.

Молчание сделалось ещё глубже. Где-то за спинами, у крайнего дома, заскрипел колодезный ворот, и звук этот протянулся дольше, чем положено, будто кто-то невидимый крутил его слишком медленно, будто сам воздух не хотел отпустить этот скрип.

— Вы слышите её ночью. Камни стонут. Вода идёт кругами. Утром вы выходите и переносите верёвку ещё ближе к колодцу.

Люди слышали. Иногда по ночам остров отзывался множеством тихих голосов. Стены скреблись изнутри, металл звенел без прикосновения, а под землёй проходил тяжёлый мерный стук. Утром все выходили на работу и не спрашивали друг друга, кто проснулся. По лицам и так было видно: не спал почти никто.

Никто не перебил. Велка опустила руки вдоль тела, и стало заметно, какие они у неё красные, в трещинах, с въевшейся золой в линиях ладоней. Она не смотрела на Гварда — смотрела куда-то в землю, но слушала.

Торр смотрел жёстко, но молчал. Челюсть у него ходила туда-сюда, как у человека, который перемалывает что-то во рту, и на скулах вздувались и опадали узлы мышц.

— Может, я плохой работник, — продолжил Гвард. — Может, от меня здесь мало пользы. Но я видел поля Метаморфоз. Они не остановятся.

Слова задели не только Торра.

По кругу прошло резкое движение. Кто-то втянул воздух сквозь зубы. Кто-то качнулся вперёд, будто хотел возразить, но сдержался. Джови за спинами взрослых сжал корзину так, что прутья скрипнули, и этот тихий звук прозвучал в наступившей тишине отчётливо, как трещина.

Гвард поднял руку и указал на край острова — туда, где марево дышало, подползая к камням, и все, как по команде, снова повернули головы. Рука его была неподвижна, и от этой неподвижности казалось, что он показывает не на границу, а на приговор.

— Я не обещаю, что мы вернёмся. Не обещаю, что старик прав. Здесь исход известен. Там — нет.

Марен холодно посмотрела на Гварда.

— Осторожнее.

— Я был осторожен. Поэтому всегда возвращался.

Он опустил руку.

— Больше этого недостаточно.

У колодца снова звякнуло ведро, словно мир решил подчеркнуть его слова. Велка коротко повернула голову на звук. Колодец находился почти в центре острова и долгие годы считался последним местом, до которого не доберутся изменения. Никто не говорил, что будет, если это окажется неправдой.

Никто не ответил. Все стояли задумчиво, и было в этом молчании что-то тяжёлое, общее, как холод, который чувствуют все сразу.

Где-то в полях грохнул разряд. На мгновение потемнело — не как ночью, а как будто кто-то накрыл остров ладонью, а потом убрал. Сама граница острова вздохнула, и воздух пахнул озоном и старой медью. Этот запах вполз в ноздри и остался там, на корне языка.

Никто не вздрогнул. Только один из стоявших у края мужчин машинально перекрестил грудь — или просто поправил лямку, этого никто не разобрал. Джови перевёл дух, и было слышно, как воздух со свистом выходит у него сквозь сжатые зубы.

— Гвард, — позвал Орн.

Гвард не сразу перевёл на него взгляд. Он всё ещё смотрел на границу, будто она могла ему ответить.

— Гвард.

Он повернулся. Повернулся медленно, нехотя, как человек, которого оторвали от важного.

— Ты зовёшь людей за собой? — спросил Орн.

— Да.

— Куда?

Пауза. Гвард молчал.

Ветер пронёсся по площадке и принёс с восточного края мелкую пыль. Пыль легла на губы, на лбы, на плечи, и никто не стал её стряхивать — здесь давно перестали замечать, как мир сыплется на голову.

Орн кивнул, будто ожидал именно этого.

— Вот поэтому они не пойдут.

Сколар вмешался, шагнув вперёд, но не закрывая Гварда, а вставая рядом, плечом к плечу, будто делил с ним не только путь, но и этот удар.

— Я знаю направление.

— Направление — не дорога.

— Дороги там нет.

— Значит, Торр прав. Это блуждание впотьмах.

Гвард снова заговорил, и голос его прозвучал тише прежнего, но отчётливо, как шаги по мёрзлой земле.

— Лучше идти впотьмах, чем ждать, пока темнота войдёт в дом.

Велка хмыкнула. Хмыканье вышло не весёлое, а какое-то пустое, как звук сухого дерева под ногтем.

— Хорошая фраза. Ею можно будет накрыть могилу.

Джови поднял глаза на Гварда. Он не услышал в его словах красивой фразы. Он представил настоящую темноту, медленно проходящую между стенами и заполняющую комнаты. Образ оказался таким ясным, что ему пришлось сильнее сжать корзину, чтобы вернуться на площадку.

Марен подняла руку, и спор оборвался, как обрезанный ножом. Она не крикнула — просто подняла руку, и все увидели эту руку, широкую, с въевшейся в складки пылью, и замолчали.

— Хватит. Мы не будем превращать Совет в крик у костра. Вопрос ясен.

Она посмотрела сначала на Сколара, потом на Гварда, и в этом взгляде не было ни тепла, ни злобы — только усталое спокойствие человека, который много раз принимал решения за других и не ждал за это благодарности.

— Они просят припасы, инструменты и человека, чтобы идти к Центру Эксперимента, который Сколар считает источником Метаморфоз. Мы знаем цену: поля, неизвестный путь, риск для острова и одна рабочая рука, отнятая у общины. Голосуем.

Она повернулась к остальным, и все невольно подтянулись, как перед работой.

Гвард сжал челюсти.

Орн смотрел на него.

— Сможешь принять решение Совета?

Гвард помолчал.

— Если решение будет ждать смерти — нет.

Напряжение снова поднялось, как вода в сосуде. Кто-то сзади прокашлялся. Торр переступил с ноги на ногу, и подошва его сапога хрустнула по бетонной крошке, громко, как выстрел.

Орн не повысил голоса.

— Я спросил не это. Ты подчинишься, если мы запретим уход?

Пауза растянулась. Ветер снова коснулся волос Гварда, и хохолок на макушке качнулся, как гребень. Он стоял и смотрел на Орна, и было видно, как в нём борется что-то — не страх, а необходимость сказать правду, которая не понравится всем, включая его самого.

Сказать «да» было бы проще. Совет, возможно, смягчился бы. Люди охотнее помогали тем, кого могли удержать общим решением. Но ложь дала бы им власть, которой Гвард не собирался признавать. Он уже согласился идти, когда у костра услышал слова Сколара. Всё происходившее после касалось только цены.

— Нет, — сказал Гвард.

Собравшиеся глухо зашептались. Не возмущённо — скорее с тем особым усталым удовлетворением, с каким люди узнают заранее известный ответ.

Торр выбросил руку.

— Вот. Вот вам весь Совет. Он уже решил. Ему не нужны мы. Ему нужно, чтобы мы благословили его безумие.

— Ему нужны не благословения, а честность, — сказал Сколар.

— А тебе — чужие руки.

— Да. Потому что одному человеку трудно нести мир на спине.

Велка шагнула к нему, но Марен коротко качнула головой, и Велка остановилась. Голос её всё же сорвался, тонкий, как лезвие:

— Не смей говорить так, будто ты несёшь наш мир.

— Я пытаюсь не дать ему окончательно упасть.

— Довольно, — сказала Марен.

Она взяла с металлической плиты два камня: тёмный и светлый. Поднесла их к лицу, будто проверяла вес. Потом положила обратно, и камни стукнули о плиту, и звук этот разнёсся по площадке, как первый удар в дверь.

Светлые камни были известняком, собранным ещё до того, как южный участок стал непроходимым. Тёмные — плотным шлаком с западного края. Их различали даже на ощупь, так что ошибиться было трудно.

— Голосуем. Светлый камень — поддержать экспедицию припасами, инструментами и добровольцем. Тёмный — не поддержать. Запрещать ли уход, обсудим после.

Марен отошла от камней. Ведущий Совета голосовал только при равенстве.

Люди по одному подходили к плите.

Торр шагнул к плите, не замедляя шага. Взял тёмный камень, подержал его в кулаке, будто грел, и положил в глиняную чашу.

Стук.

— Против, — сказал он.

Он произнёс это не с торжеством. Решение не приносило ему удовольствия. Торр просто выбирал стену, которую мог увидеть и потрогать, вместо дороги, не существовавшей даже на карте.

Велка подошла следом. Она не колебалась, как Торр, — просто взяла тёмный камень с плиты, сжала его в обожжённых пальцах и уронила в чашу. Камень стукнул о единственный камень, уже лежавший на дне, и звук получился глуше первого, будто чаша уже начинала наполняться чужим решением.

— Против, — сказала она, не глядя на Сколара.

Она произнесла это быстро и отступила в сторону, встала рядом с Торром, но не слишком близко. Со стороны казалось, что она уже забыла о камне, который только что положила, — но пальцы её продолжали потирать друг друга, будто стряхивали с себя что-то липкое.

Один за другим люди подходили к плите. Двигались они без суеты, как на перекличке, где всё давно решено. Каждый брал тёмный камень и клал его в чашу. Стуки сливались в глухой, ровный перестук, похожий на капли в пустом ведре.

Стук. Стук. Стук.

Подходили по одному, не глядя друг на друга. Некоторые задерживались у плиты на лишнее мгновение, будто хотели что-то сказать, но не находили слов. Другие, наоборот, старались покончить с этим побыстрее, как с работой, которую надо сделать и забыть.

У каждого была своя причина. Кто-то боялся полей Метаморфоз. Кто-то не хотел отдавать припасы. Несколько человек просто доверились Марен и Велке, потому что в условиях постоянной нехватки доверие тоже было способом экономить силы.

Женщина с ребёнком на бедре — ребёнок спал, привалившись к её плечу, — взяла тёмный камень и зажала его в кулаке, прежде чем разжать пальцы над чашей.

Стук.

Ребёнок открыл глаза, посмотрел на чашу и снова спрятал лицо у матери на плече. Женщина покачала его, не отступая от общего ритма. Через несколько лет, если остров продержится, он тоже получит право брать камни.

Гвард смотрел на руки голосующих. Лицо его ничего не выражало, но смотрел он именно на руки, а не на лица, будто правда была не в том, что они говорили, а в том, как пальцы брали камень и отпускали его. Он не шевелился. Только дыхание у него сделалось ровнее и глубже, как у человека, который готовится принять удар и знает, что удар неизбежен.

Сколар стоял неподвижно. Только пальцы его комкали край лохмотья — сжимали и разжимали, сжимали и разжимали, и ткань под ними темнела от пота. Он не смотрел на чашу.

К чаше подошла Риола.

Среди грубых, усталых людей её движение показалось почти бесшумным. Она не смотрела ни на Марен, ни на Торра, ни на Сколара.

По охристому мареву снова прошла тёмная полоса. Медная проволока на запястье Риолы едва заметно дрогнула, хотя рука оставалась неподвижной. Риола опустила взгляд на камни. Возможно, именно тогда она окончательно решила.

Потом взяла светлый камень.

Вокруг стало тише. Несколько человек переглянулись. Кто-то кашлянул в кулак. Велка поджала губы, и от этого лицо её сделалось ещё суше, ещё старше.

Риола положила камень в чашу.

Стук.

Светлый камень лёг поверх тёмных. Она не задержалась у плиты. Отвернувшись и пошла обратно, к своему месту у дальнего блока, и походка у неё была лёгкая, как у человека, который не боится идти против всех, потому что давно привык идти один.

Гвард впервые посмотрел на неё внимательно. Он знал Риолу в лицо, видел у мастерских и у восточной верёвки, но никогда не разговаривал с ней дольше нескольких слов. Её голос ничего им не давал: один светлый камень не менял решения. И всё же он ощутил, будто в наглухо закрытой стене обозначилась тонкая щель.

Она не объяснила и не искала ничьей поддержки. Просто снова стала отдельной от всех, и в этом было больше достоинства, чем во всех речах, прозвучавших на площадке.

Торр посмотрел ей вслед и сплюнул под ноги. Не громко, но все слышали. Риола не обернулась. Она стояла, прислонившись плечом к блоку, и смотрела на поля Метаморфоз, и ветер трогал её волосы, и от этого она казалась ещё более чужой, чем прежде.

Торр ожидал хотя бы раздражения, но не получил ничего. Его плевков остался на бетоне маленьким тёмным пятном. Через минуту пыль затянула его.

Джови подошёл следом. Он заметно волновался, но старался не показывать этого. Пальцы его задержались над камнями чуть дольше, чем нужно, — на секунду, на две, пока все смотрели. Корзина, которую он держал у бедра, легонько дрожала, и прутья её постукивали о его бедро, как зубы на холоде.

Велка смотрела на него тяжёлым предупреждающим взглядом. Она не шевелилась, но взгляд этот был как рука, опущенная на плечо. Джови почувствовал его спиной, помедлил ещё мгновение, и его рука зависла над камнями, как висит рука человека, который знает, что сейчас сделает то, чего делать не следовало.

Он вспомнил все поручения, которые Велка давала ему с детства. Как держать ведро, чтобы не расплескать воду. Как отличить здоровый мох от заражённого. Как закрывать лицо при медном ветре. Почти всё полезное он узнал от неё. Поэтому выбрать не тот камень было труднее, чем послушаться любого приказа.

Он всё равно взял светлый камень.

Стук.

Он быстро отступил назад, сжимая пустую корзину так, что побелели костяшки. Встал за спинами взрослых, опустил голову, но в глазах у него горел странный свет — тот, что не гаснет от чужих взглядов. Он не смотрел ни на кого, но все, кто хотел, успели увидеть этот свет и запомнить его.

Велка отвернулась первой. Губы её шевельнулись, но она ничего не сказала — только выдохнула через нос, длинно и устало, как выпускают воздух из меха.

Джови ещё не заявил, что хочет идти. Он только поддержал попытку. Но Велка слишком хорошо знала молодых, чтобы утешать себя этой разницей.

Остальные голосовали против. Тёмные камни ложились в чашу один за другим, и теперь стук уже не был слышен — он слился в сплошное монотонное перестукивание, как капли в пустом ведре. Чаша наполнялась, и с каждым камнем становилось яснее, что решено всё давно, ещё до того, как Сколар открыл рот.

Последним остался Орн.

Он долго смотрел на два камня. Не на людей — на камни. Стоял над плитой, склонив голову, и со стороны казалось, что он не решает, а вспоминает что-то. Возможно, трещины. Возможно, воду, которая шла кругами. Возможно, северную глыбу, ушедшую вниз без крика.

Ещё он мог вспоминать своего брата, который восемь лет назад предложил перенести поселение дальше от восточной границы. Тогда остров казался достаточно большим, и Совет решил не тратить силы. Через год место, куда брат предлагал перенести дома, исчезло первым. Орн редко говорил о том решении.

Ветер прошёлся по площадке, и пола его куртки качнулась, но он не пошевелился. Все ждали. Даже Гвард, всё это время смотревший в сторону, повернул голову и посмотрел на Орна, и в этом взгляде не было ни мольбы, ни надежды — только ожидание.

Потом Орн взял светлый камень.

Люди напряжённо молчали. Даже Торр перестал дышать ртом.

Орн положил камень в чашу.

Стук.

— За, — сказал он.

Марен пристально посмотрела на него.

— Объясни.

Орн повернулся к собранию. Он не торопился, и от этой неторопливости слова его падали тяжело.

— Я не верю, что они дойдут.

Гвард чуть изменился в лице — едва заметно, дрогнула скула, и снова застыл. Только пальцы его медленно сжались в кулак у бедра и разжались.

— Не верю, что старик помнит достаточно. Не верю, что поля Метаморфоз пропустят их. Не верю, что железный прут защитит от того, что меняет кости в стекло.

Он посмотрел на Гварда и Сколара без вызова.

— Но я верю трещинам. Верю воде. Верю камням, которые поют ночью. И я верю, что, если никто никуда не пойдёт, мы однажды умрём очень разумно, с полными списками запасов.

Торр отвернулся, сплюнул под ноги. Звук получился мокрый и одинокий, и все сделали вид, что не заметили.

— Поэтому мой голос — за попытку, — продолжил Орн. — Не за них. За самую возможность попытки.

Молчание.

Марен смотрела в чашу, пересчитывала камни. Губы её шевелились беззвучно, как у человека, который читает про себя. Она считала долго, хотя все уже знали счёт, и никто не торопил её — здесь не принято было торопить того, кто считает припасы или камни.

— Трое — за, — сказала она наконец. — Остальные — против. Результат ясен.

Джови опустил голову, но в глазах у него горел тот самый странный свет, и он не гасил его, хотя понимал, что все видели, как он голосовал.

Риола стояла у дальнего блока, как стояла прежде. Её лицо было спокойно. Слишком спокойно для человека, чей голос только что заметили все.

Сколар закрыл глаза на секунду. Не в отчаянии — скорее так, как закрывают глаза, когда надо пережить короткую боль.

Он ожидал отказа. Возможно, именно такой результат и представлял, пока шёл к площадке. Но ожидание не притупило удара. Без общих запасов дорога становилась короче, опаснее и зависела от помощи тех немногих, кто ещё не обещал ничего, кроме светлого камня.

Гвард отвернулся к полям Метаморфоз.

Марен заговорила снова, и голос её был ровный, как плита, на которой лежали камни.

— Община не поддерживает экспедицию.

Пауза.

— Припасы из общего хранилища не выдаются. Инструменты — не выдаются. Рабочие смены не снимаются.

Каждая фраза закрывала отдельную возможность. Не будет запасного полотна для воды. Не будет общинной верёвки. Не будет человека, чьё отсутствие распределят между остальными. Если они уйдут, все потери окажутся только их потерями.

Она вернулась к плите, поправила чертёж, который сдвинул ветер, прижала его обломком кирпича крепче. Движения у неё были экономные, точные, как у человека, который и в беде не перестаёт наводить порядок.

— Теперь второе. Запрещать ли им уход?

Торр ответил сразу:

— Да.

Велка после паузы:

— Нет.

Торр уставился на неё с неприкрытым удивлением. Брови у него полезли вверх, рот открылся, но он промолчал — при Марен перебивать не стал. Только посмотрел на Велку долгим взглядом, будто впервые её увидел.

— Если держать силой каждого, кто хочет умереть, рук не хватит, — сказала Велка.

Она бросила короткий взгляд на Джови, но тот молчал и не поднимал глаз.

— Но никто не уходит за счёт общины.

Орн кивнул.

— Пусть уходят. Но не за счёт общины.

Марен обвела взглядом круг. Люди, даже те, кто голосовал против, теперь молчали. Большинство было согласно.

Торр снова сплюнул в сторону.

— Пусть покажут, на что способны.

Марен приняла решение.

— Община не помогает. Но и не препятствует. Кто решит идти с ними — идёт на свой страх. Без доли из общего запаса. Без сорванных смен. Вернётесь ни с чем — получите не больше любого другого.

Пауза.

— Если вернётесь с пользой — Совет выслушает вас снова. Если не вернётесь — ваши имена останутся у костра.

У костра уже лежали десятки именных камней. Некоторые надписи стёрлись, и их приходилось обновлять по памяти. Фраза Марен означала не угрозу и не обещание почести. Она лишь гарантировала, что община признает их погибшими и сохранит имена, если сохранять ещё будет кому.

Сколар слегка склонил голову.

— Это честнее, чем я ожидал.

— Не обольщайся, — сказала Велка. — Это не уважение. Это чтобы потом никто не сказал, что мы держали вас за горло.

Сколар принял это без улыбки.

Гвард невольно посмотрел на Джови. Тот стоял с корзиной в руках и делал вид, что это ничего не значит, — но плечи у него были подняты, а подбородок заострился, как у человека, который изо всех сил держит лицо.

Их взгляды не встретились. Гвард всё равно понял, что парень уже рассматривает дорогу как личную возможность. Это не обрадовало его.

Потом взгляд Гварда скользнул к Риоле.

Она по-прежнему стояла у дальнего блока. Отдельная. Непонятная. Красивая так, будто это не дар, а ещё один способ быть чужой среди своих.

Гвард задержал на ней взгляд. Риола не посмотрела в ответ.

Но её пальцы коснулись медной проволоки на запястье и медленно провели по виткам. Жест мог ничего не значить. Мог быть привычкой. Гвард всё же запомнил его.

Марен взяла чашу и перевернула её на металлическую плиту. Камни рассыпались сухим дробным стуком, светлые и тёмные смешались в случайный узор — будто само решение потеряло смысл, стоило ему упасть на эту плиту.

Совет окончен.

Люди расходились без лишних слов. Никто не хлопал по плечу. Никто не желал удачи. Не было ни злорадства, ни облегчения — только усталость, с которой люди возвращаются от дела, не изменившего их день.

Полукруг разрушился сразу. Совет снова превратился в отдельных каменщиков, носильщиков, сборщиков мха и смотрителей фильтров. Каждый вспомнил, какая работа ждала его до полудня. Только решение оставалось на площадке, словно невидимый предмет, который никто не хотел уносить с собой.

Торр ушёл первым, не оглядываясь. Он поднял с земли моток проволоки, закинул на плечо и зашагал к стене, где ждали молоток и недоделанная кладка. Шаги у него были тяжёлые, как у человека, который ходит не по земле, а по её терпению. Он прошёл мимо Сколара, не посмотрев на него, но в этом не-смотре было больше, чем в любом слове: он вычеркнул старика, как вычёркивают из списка того, кого больше не считают живым.

Возле выхода с площадки Торр на мгновение замедлился. Будто хотел всё-таки обернуться или добавить последнее слово. Потом сильнее перехватил проволоку и продолжил идти. Через несколько секунд от западной стены снова слышались удары, резкие и частые. Торр работал злее обычного.

Велка задержалась у плиты. Она посмотрела на рассыпанные камни, потом на Джови, который всё ещё стоял, прижимая к себе пустую корзину, и сказала негромко:

— Иди. Тебя ждут у воды.

Голос у неё был ровный, но в нём сквозила усталая досада человека, который видит, как молодой сворачивает не туда, и не может ему запретить.

Джови кивнул, не поднимая глаз. Пальцы его разжались на ручке корзины медленно, по одному, будто корзина была единственным, что держало его на месте. Потом он повернулся и пошёл, и походка у него была неровная, как у человека, который хочет обернуться, но не позволяет себе. У самой кромки площадки он всё же не выдержал — бросил короткий взгляд через плечо, но не на Велку, а на Гварда. Гвард не смотрел на него. Джови втянул голову в плечи и исчез за бетонными блоками, и ещё долго было слышно, как его шаги стихают в сторону колодца.

Велка проводила его взглядом. Потом наклонилась, подняла один из тёмных камней и положила на край плиты. На камне осталось тёмное пятно — её кровь, выступившая из трещины на ладони. Она потёрла его большим пальцем, но пятно уже въелось.

Риола ушла, ни на кого не взглянув. Оттолкнулась от блока, к которому прислонялась, поправила ремень на плече и пошла туда, куда уходили остальные, но не вместе с ними — отдельно, на расстоянии нескольких шагов, которого хватало, чтобы между ней и всеми оставалось пустое место. Она не обернулась. Ни на кого. Ветер трогал её волосы, и медная проволока на запястье поблёскивала тускло, как старое украшение, которое давно перестало быть украшением.

Марен и Орн ушли последними: Марен направилась к западной стене, Орн — к северным навесам. Когда их фигуры скрылись, Сколар и Гвард остались вдвоём у опустевшей площадки.

За их спинами рабочие снова поднимали камни, натягивали тросы, несли воду. Ворот скрипел. Молоток бил по стене. Где-то далеко, у восточного края, женщина позвала ребёнка, и голос её долго висел в воздухе, не желая уходить. Жизнь возвращалась к привычному ритму, как будто Совет ничего не решил.

Но в этом привычном ритме теперь жила трещина — невидимая, неслышная, но осязаемая кожей. Она не кричала о себе, но тянула за собой каждый звук, делая его чуть более ломким.

Гварду казалось, что люди работают нарочито громко. Будто стук молотков и плеск воды могли закрыть всё, что было сказано. Остров умел принимать человеческие решения равнодушно. Стены не становились крепче от тёмных камней, марево не отступало перед большинством голосов.

Гвард смотрел на рассыпанные камни голосования. Светлые и тёмные лежали вперемешку, как будто всё, что здесь только что произошло, можно было смешать и начать заново. Он смотрел долго, не шевелясь, и ветер шевелил волосы у него на затылке, забирался под ворот, но он не замечал.

— Трое, — сказал он.

Сколар стоял рядом, глядя не на камни, а на край острова.

— Трое — больше, чем ноль.

Он произнёс это почти буднично. Однако Гвард услышал в его голосе облегчение. Сколар уже видел в трёх светлых камнях не проигранное голосование, а трёх возможных союзников. Старик действительно думал дальше, чем говорил.

Гвард поднял взгляд к границе.

Охристое марево пульсировало. Оно не стояло на месте — оно дышало, медленно, как живое, и от этого дыхания по краю острова пробегала дрожь. Цвета перетекали друг в друга: охра в терракоту, терракота в ржавчину, ржавчина в то, чему не было названия. Всё это двигалось, дышало, жило своей отдельной, нечеловеческой жизнью.

Где-то далеко, за пределами стабильности, на мгновение вспыхнула вертикальная полоса света. Слишком прямая для природного явления. Слишком ровная, чтобы быть случайностью.

Она возникла беззвучно, простояла один удар сердца и погасла, не оставив после себя ничего, кроме тёмного пятна перед глазами.

Гвард заметил её.

Сколар тоже.

Полоса возникла там, куда смотрел Сколар ещё до начала Совета. Она прорезала охристые слои, не рассеяв их, словно находилась не внутри марева, а поверх него. В её основании на миг проступило нечто угловатое: край сооружения, опора или только обман зрения. Затем всё исчезло.

Они не сказали ни слова. Оба смотрели туда, где исчезла полоса.

Свет погас. Исчез так же внезапно, как появился, не оставив следа.

Площадка Совета осталась в мутном утреннем сиянии. Воздух снова стал обычным. Ветер улёгся.

Но теперь тишина уже не казалась неподвижной.

Она ждала.

Глава 4. Попутчики.

Остров дышал ртом, забитым пылью. К полудню тени от людей не поспевали за ногами — колыхались с опозданием, смазанные. Над рваными крышами медленно текли охристые разводы Метаморфоз: цвет ржавчины переходил в цвет старой крови. Смотреть наверх долго не хотелось — начинало казаться, что небо смотрит в ответ.

Жара не согревала. Она прижимала к земле, вытягивала влагу из губ и заставляла металл пахнуть сильнее. Даже камни под ногами казались не нагретыми, а больными, словно внутри них тлело что-то, чему не полагалось иметь температуру. Люди старались не касаться голого железа и всё равно обжигались через ткань.

У края поселения, где жилые временки редели и переходили в гряду камней, державших внешние тросы, люди работали так, как работает человек, когда не осталось ни веры, ни сил — осталось только движение. Женщина несла на плече связку арматуры, ржавой и мокрой от испарений; железо врезалось в плечо через тряпку, но она не перехватывала, шла, выставив шею вперёд, как вол. Двое мужчин тащили волокушу с обломком плиты, и плита скребла по камню с таким звуком, будто кто-то проводил ножом по стеклу. Подросток в запылённой тунике сгибался под вязанкой сухого мха; тот крошился на ходу, оставляя зеленовато-серую дорожку, но мальчишка не оборачивался.

Под навесом из брезента, рваного по нижнему краю и задубевшего от соли, стояли двое. Навес держался на четырёх кольях, вбитых в камень так, что один уже треснул и держался на честном слове. Тень он давал косую, полосатую: половина каждого лица оставалась в тени, половина — на свету, и оба человека под ним казались собранными из разных кусков.

Треснувший кол держали две проволоочные петли и деревянный клин. При каждом хлопке брезента клин понемногу выползал, но никто его не поправлял. Навес всё ещё стоял, а на острове это считалось достаточным основанием не тратить на него силы.

Гвард опёрся ладонями о доску, положенную на две каменные тумбы. Доска была чья-то старая дверь: петли спилены, в углу — выжженная метка, которую он не мог прочитать, сколько ни смотрел. На ней лежало всё, что удалось выбить, выменять и выклянчить за последние пару дней. Получалось мало, до обидного мало, и это было видно сразу, с одного взгляда.

Он трижды перекладывал вещи, пытаясь заставить их выглядеть запасом. Если раздвинуть их по доске, казалось, будто их больше. Если сложить теснее — будто они подобраны намеренно, а не собраны из чужих отказов. Ни тот ни другой порядок не обманывал даже на расстоянии.

Фляга с помятой крышкой. Обрывок верёвки. Нож с перемотанной тканью рукоятью. Четыре металлических колышка, из которых два гнулись, если надавить ногтём. Кусок плотной ткани с грубо нанесёнными отметками — карта, если это вообще можно было назвать картой,

а не записью чьих-то сомнений. Пустой мешок, сложенный вчетверо, но всё равно занимавший слишком много места.

Гвард взял флягу, открутил крышку. Резьба поддавалась с нехорошим хрустом. Внутри пахло старой медью и ещё чем-то кислым, застоявшимся. Он перевернул флягу над ладонью — не вытекло ни капли, только на ладонь упала крупинка ржавчины. Он поставил флягу обратно, крышку закрутил медленно, до упора, хотя знал: резьба сорвана наполовину и при первой же встряске крышка слетит.

— Воды нет, — сказал он.

Сколар не шевельнулся. Он стоял чуть сбоку, сцепив руки за спиной, и смотрел не на доску, а куда-то сквозь неё, в щель между тумбами, где копошился жук — или то, что здесь называли жуком, потому что у него было шесть ног и упрямство, а остальное не имело значения.

Существо упорно толкало перед собой комочек серой пыли. Сколар следил за ним с таким вниманием, словно тот демонстрировал единственный надёжный способ жить на острове.

— Воды всегда нет, — отозвался он. — Вопрос только, кто первым это произнесёт.

— Из общего запаса не дадут, — сказал Гвард.

— Дай угадаю. Ты уже ходил.

— Утром.

— И тебе предложили подождать.

— Мне предложили вернуться к работе.

Гвард не стал рассказывать, как долго стоял у хранилища. Как смотритель дважды пересчитал запечатанные сосуды, хотя знал их число наизусть. Как за тонкой перегородкой плескалась вода и от одного этого звука язык становился шершавым. Отказ был произнесён без злобы, почти сочувственно, и потому злил сильнее.

Сколар наконец оторвал взгляд от жука и провёл пальцем по краю доски. Палец оставил на пыли светлую полосу — такие полосы оставались на всём острове, стоило к чему-нибудь прикоснуться.

— Значит, так. Вода. Фильтры старого типа, не те, что лепят из мха: те через два дня гниют, а на третий превращают воду в грязь. Верёвки, которые не расползутся при первом натяжении. И еда, которая не испортится раньше нас. Остальное — если сумеем достать.

— Фильтр можно выпросить у мастерских, — сказал Гвард.

Сколар поднял бровь. Бровь была седая, кустистая и двигалась отдельно от лица, как зверёк, живущий собственной жизнью.

— Выпросить?

— Взять под обещание вернуть.

— Ага. — Сколар кивнул, будто записывал в невидимую книгу. — То есть украсть. Медленно. И с достоинством.

Гвард взял нож, поднёс к лицу, провёл подушечкой большого пальца вдоль лезвия — не по режущей кромке, а рядом. Лезвие было тёплым от воздуха и тупым, как ложка.

— Ножи нужны лучше, — сказал он.

— Фляг нужно больше одной, — сказал Сколар. — И таскать их тоже кому-то придётся. Ты, я так понимаю, собрался нести всё сам и ещё удивляться, почему спина отвалится на третий день.

— Я знаю, — сказал Гвард.

Он положил нож обратно на доску, лезвием к себе, и накрыл его ладонью, как будто тот мог уползти.

Прут за поясом давил ему в бок. Его Гвард на доску не выкладывал и частью общего груза не считал. Вещи, без которых можно выжить, обсуждали. Вещи, без которых нельзя, оставались при теле.

Они замолчали. Тишина под навесом была не пустая — её заполнял остров. Где-то справа скрипела телега: колесо проезжало по каменной крошке, и звук тянулся дольше, чем должен был, — на полдыхания лишнего. Кто-то выругался вполголоса, не злобно, а по привычке, как откашливаются. Ударил молоток — раз, другой, и затих, будто передумал. Подросток с вязанкой мха прошёл мимо навеса, не поднимая головы, но на середине шага замер, перехватил вязанку поудобнее и искоса глянул на доску с вещами.

Никто не подходил. Но смотрели многие. Остров умел смотреть не оборачиваясь.

Люди уже знали, куда собирается Гвард. Новость разошлась без разговоров: по пустому мешку, по разложенной верёвке, по тому, что Сколар стоял рядом и не торопился уходить. Одни считали будущий поход безумием, другие — оскорблением общего решения. Но почти каждый хоть раз замедлял шаг возле навеса.

Гвард разжал пальцы на ноже. Брезент над головой хлопнул, хотя ветра не было. За навесом медленно оседала поднятая телегой пыль.

— Сколар.

— Мм?

— Нас должно быть четверо.

— Пока двое.

— Я умею считать.

После Совета он не мог отделаться от этого числа. Но светлый камень был только голосом, а не обещанием идти. Гвард понимал разницу и всё равно продолжал считать.

Сколар хмыкнул, но без смеха.

— А ты, я погляжу, уже решил, кого потащишь.

Гвард не ответил.

Снаружи, за тросами, за линией колышков, отмеченных выцветшими тряпками, дрогнул воздух. Небо на мгновение потемнело с одного края — без грома, без вспышки, просто стало гуще, как будто кто-то выключил часть света и снова включил. Гвард знал это движение. Все на острове знали.

Одна из тряпок на колышке вытянулась в сторону полей Метаморфоз, хотя ветра не было. Узел натянулся, волокна затрещали, затем ткань обмякла. Женщина с арматурой заметила это и перешла на бег, не выпуская ноши. Никто не спросил, что она увидела.

Сколар переступил с ноги на ногу, и в поясице у него сухо хрустнуло — единственный звук здесь, которому можно было верить.

— Ладно, — сказал он. — Я не спорю. Спорить с тобой — всё равно что объяснять камню, зачем ему катиться. Но если ты собрался, скажи прямо, и я скажу, что об этом думаю.

Гвард поднял на него глаза.

— Я думаю, нас двоих недостаточно.

— В одиночку мы не дойдём, — повторил Сколар, будто пробуя фразу на вкус, как пробуют воду, в которой не уверены. — Надо же. Два дня я ждал, пока ты это скажешь вслух. Я-то думал, ты так и будешь собираться молча, пока не наберёшь полный мешок камней и не уйдёшь один, по-гвардовски.

Гвард не поддержал. Он отнял ладонь от ножа и вытер её о бедро.

— В одиночку можно дойти, — сказал он. — Нельзя вернуться.

— О, теперь ты говоришь о возвращении. — Сколар оттолкнулся от доски, сделал два шага к краю навеса, выглянул наружу, на поселение. — А я уж думал, ты решил, что для тебя обратной дороги не существует.

— Она существует. Для того, кто не один.

Сколар обернулся. Его лицо, изрезанное морщинами так, будто по коже долго и старательно резали чем-то тонким, на секунду стало серьёзным. Потом он снова натянул привычную кривую усмешку — не для собеседника, а для себя.

— Красиво сказано. Осталось найти таких, кого не жалко.

— Жалко всех, — отрезал Гвард.

— Вот поэтому тебе и не дали воды. Ты приходишь к людям с лицом человека, который уже списал их в расход. Зачем им вкладываться в твой поход, если ты смотришь на них, как на покойников?

Гвард хотел возразить, но вспомнил лица у хранилища. Смотритель говорил с ним осторожно, не приближаясь, словно решение уйти уже делало Гварда заразным. Возможно, Сколар был прав. Возможно, Гвард действительно мысленно прощался с людьми раньше, чем узнавал их имена.

Гвард промолчал.

— Вода — не главное, — сказал он наконец.

— Главное — ноги, — кивнул Сколар. — И то, что не даст им повернуть назад.

Он помолчал, глядя на небо, где охристые разводы на миг сцепились в фигуру, похожую на вытянутую руку, и тут же расплылись, будто передумали.

— Тебе нужны не носильщики, — сказал Сколар тише. — Тебе нужны люди, которые захотят дойти до конца по своей причине. Тогда их не придётся тащить. И не придётся нести их смерть.

Он сказал последнее почти шёпотом. Под обычной сухостью голоса на миг проступило воспоминание — неясное, тяжёлое. Гвард не спросил, чью смерть Сколар уже нёс и где оставил её. Старик всё равно ответил бы шуткой или молчанием.

Гвард посмотрел на него. Под навесом сделалось душно, хотя воздух снаружи оставался сухим и колючим. Где-то за спиной Сколара дважды ударил молоток и затих.

— Ты говоришь, будто уже знаешь, кто пойдёт, — сказал Гвард.

— Я не знаю. Но я слышу.

— Что?

— Остров.

Гвард качнул головой, как отмахиваясь от мошки.

— Остров не говорит.

— Остров не говорит. Зато рядом с ним люди разучились шуметь. А ты так устался на свою флягу, что не заметил: под навесом уже не двое.

Гвард поднял голову.

Джови стоял в трёх шагах от края навеса. Он не крался — просто мальчишеская привычка подходить тихо, на мягких подошвах, въелась так, что он сам не замечал, как перестаёт издавать звук. В руках — корзина с мокрой тряпкой вверх; из-под неё торчала ручка деревянного черпака. Он тяжело дышал, но старался это спрятать, задерживал дыхание на выдохе, отчего грудь ходила неровно. На шее блестел пот.

По мокрой тряпке расплзлось тёмное пятно. Корзину следовало отнести к фильтрам, и Джови это знал. Вероятно, знал и то, что Велка уже заметила его отсутствие. Однако страх перед её гневом оказался слабее страха опоздать к разговору.

— Я могу нести, — сказал он.

Голос у него сорвался на последнем слог.

Гвард резко развернулся всем корпусом, словно за спиной лопнул натянутый трос. Сколар — неспешно, с интересом, каким смотрят на зверька, забредшего не в ту нору.

Гвард оглядел Джови сверху вниз, и на его лице не дрогнул ни один мускул. Так смотрят не на человека, а на лишний риск: на узел, завязанный не той петлёй, на трещину в колышке, на тучу не с той стороны.

— Ты не знаешь, что там, — сказал Гвард.

— Зато я знаю, что здесь. — Джови ответил сразу, будто репетировал. Но репетировал плохо: в голосе лопнула сдерживаемая дрожь. — Камень. Тросы. Вода. Работа. И ещё работа. И снова камень.

Он сделал шаг ближе. Подошва шаркнула по пыли.

— Для меня поля Метаморфоз — это просто край неба. Я никогда не был дальше внешних тросов. Я даже не знаю, как пахнет трава, если она не пахнет пылью.

Сколар чуть наклонил голову. Его слух был старым, подпорченным, но слушал он сейчас не ушами.

— Трава пахнет дождём, — сказал он негромко. — Если дождь ещё помнит, как надо пахнуть.

Джови видел дождь дважды. После последнего на камнях остались белые ожоги. Ни один не пах травой.

Джови улыбнулся — быстро, по-детски, уголками губ.

— Я хочу увидеть сам, — сказал он. — Один раз. Не по вашим словам.

Гвард покачал головой. Движение было коротким, как приговор.

— Это не приключение. Это дорога, где каждый шаг может стать последним.

— А другая дорога куда? — Джови шагнул ещё ближе, уже почти под навес. Голос его выровнялся, стал ниже, злее. — Стать как Торр? Знать каждый камень здесь — и ненавидеть каждый?

Слова вырвались прежде, чем Джови успел их удержать. Он сразу вспомнил тяжёлые руки Торра, его работу у стен, его тёмный камень на Совете. Но отступить означало признать, что собственной причины у Джови нет, а была только мальчишеская обида.

Гвард замер. Скулы его обозначились резче. Что-то прошло по лицу — слишком быстро, чтобы назвать, — похожее на уважение и на боль разом, как свет и тень от одной вспышки. Он смотрел на Джови и молчал. Молчание тянулось, и в нём было слышно, как скрипит телега, как капает вода с чьей-то ноши, как у кого-то за тросами срывается кашель.

— Я не понесу твою смерть на себе, — сказал Гвард.

— Тогда не несите. — Джови вскинул подбородок. — Дайте мне нести своё.

Сколар тихо усмехнулся. Вышло скрипуче, как несмазанная петля, но без издёвки.

— Гвард, — сказал он, не оборачиваясь к нему. — Мы с тобой слишком хорошо знаем, куда смотреть. Иногда из-за этого вообще ничего не видим.

Гвард перевёл взгляд на Сколара.

— Он не выдержит, — сказал Гвард.

— Выдержу, — Джови встряхнулся, как пёс после воды. — Я таскаю воду от колодца. Двенадцать ходок в день. С утра до темноты. Спросите кого угодно.

Он говорил быстро, сбиваясь, и от этого слова выходили с присвистом.

Плечи у него действительно были крепче, чем казались под свободной туникой. На ладонях темнели мозоли от корзин и ведёрных дужек. Но Гвард смотрел не на мышцы. В полях чаще ломалось то, чего нельзя было увидеть.

— Вода — это, конечно, не поля Метаморфоз, — заметил Сколар. — Но он хотя бы понимает, что такое вес. А страх... — он пожал плечами, и меховой воротник на его плечах дрогнул, — страх всё равно каждому выдадут на месте. Его и просить не придётся.

Гвард посмотрел на Джови, потом на доску с вещами, потом снова на Джови. Взгляд его задержался на корзине, на мокрой тряпке, на пальцах, побелевших от хватки.

— Верёвки и фляги — на тебе. За тросами приказ выполняешь сразу. Скажу «лежать» — падаешь. Скажу «бежать» — бежишь. Не понял — всё равно делаешь.

Джови кивнул, стараясь не улыбаться слишком широко. Улыбка всё равно просочилась, дёрнула уголки, но он удержал её, поджал губы.

— Да, — сказал он. — Да. Я понял.

Он поставил корзину у края доски, и руки его сами потянулись к вещам — к фляге, к верёвке, к мешку. Он не знал, с чего начать, трогал всё по очереди, как слепой. И заговорил — слишком быстро, захлёб:

— А как мы поймём, что идём правильно? А если земля начнёт уходить из-под ног? А что, если мы в полях Метаморфоз заблудимся и будем ходить по кругу, и...

Гвард поднял ладонь, и Джови осёкся.

— Потом. Сначала соберёмся.

— Понял, — сказал Джови тише.

Сколар снова хмыкнул и, отвернувшись к доске, поправил пустой мешок, сложив его углом, хотя тот всё равно расползлся.

— Зато теперь я хотя бы не буду слышать, как ты разговариваешь с флягой, — бросил он Гварду. — Будет с кем поговорить.

Гвард не ответил. Он смотрел мимо Джови, на тросы, на людей за ними, на небо, которое в одном месте снова потемнело и стало цвета раздавленной ягоды. Пыль висела в воздухе ровным пологом, и в ней, как в воде, тонули дальние фигуры.

Риола появилась беззвучно.

Она встала у края навеса, там, где тень брезента резала свет пополам, — и никто не услышал, как она подошла. Просто воздух под навесом сделался плотнее, и Гвард повернул голову раньше, чем понял, зачем.

По камню у её сапога полз тонкий узор Метаморфоз, похожий на светящуюся трещину. Риола стояла спокойно, почти неподвижно.

На плече у неё висел привычный ремень с инструментами. Медная проволока обвивала запястье тёмными витками, и один конец был уже выправлен, готовый к работе.

Она смотрела не на всех. На Гварда. Потом перевела взгляд на вещи на доске.

— Я иду с вами, — сказала она тихо, но так, что все услышали.

Все трое замерли. Даже пыль, поднятая движением Риолы, осела как-то нехотя, цепляясь за воздух, будто не решаясь лечь.

Джови повернулся к ней с открытым ртом. Корзина качнулась у его ног, черпак звякнул о прутья, и он не услышал собственного шёпота:

— Правда?

Риола не ответила ему. Она смотрела на доску — на плохую верёвку, на старый нож, на колышки, которые Гвард успел разложить в ряд, как будто порядок мог придать им прочности. Смотрела долго, спокойно, без удивления, как на то, что видела уже много раз и про себя давно пересчитала.

— Этого мало, — сказала она.

— Мы заметили, — отозвался Гвард.

В его голосе не было резкости. Он прозвучал ровно, но под конец что-то дрогнуло — то ли раздражение, то ли усилие, с которым он удерживал себя на месте. Риола не отошла от края навеса. Свет делил её пополам: половина лица золотистая, половина в тени, и в глазах от этого горело что-то неживое, как отблеск на воде.

Гвард вспомнил светлый камень, который она положила в чашу. Тогда он решил, что голос ничего не обещает. Теперь Риола стояла перед ним, и оказалось, что обещание всё-таки было — просто данное не Совету и не ему.

— Верёвку лучше брать у фильтровщиков, — сказала она. — Там есть старая, жёсткая, но крепче этой. Плащи — у тех, кто чинит крышу возле колодца. Им нужны руки, а не вещи. Можно обменять на работу.

Она говорила негромко, но каждое слово доходило, как доходит звук по камню, — без потерь. Гвард стоял, уперевшись кулаками в доску, и слушал, не перебивая. Сколар переменил позу и глянул на небо, будто проверял, не оттуда ли свалилась эта женщина.

— Ты уже решила, — сказал Гвард.

— Я давно решила. Сегодня только сказала.

— Почему?

Взгляд Риолы на мгновение ушёл за тросы.

— Я тут ... засыхаю.

Гвард резко отвёл взгляд, словно от слишком яркого света. Он молчал. Молчание его было тяжёлым, с привкусом железа, как всё, к чему он прикасался.

Риола шагнула ближе. Не к нему — к доске. Кончиками пальцев она коснулась ткани с отметками, развернула её на ладони и всмотрелась, словно пыталась понять не сами знаки, а руку, которая их оставила.

— Металлические колышки не берите отсюда, — сказала она. — Они мягкие. У старой печи есть обрезки лучше.

— Нам не нужны советы, Риола, — сказал Гвард. — Нам нужны те, кто не ломается.

— А я не советую. — Она встретила его взгляд. — Я говорю, что возьму с собой.

Гвард не отвёл глаз. Воздух между ними стал узким, натянутым, как трос. Где-то за тро-сами, за линией поселения, беззвучно вспыхнула бледная молния — свет прошёл по небу и угас, не дойдя до земли. Никто не обернулся, только Джови коротко вздрогнул.

На миг медная проволока на запястье Риолы засветилась изнутри. Не отразила вспышку, а словно сохранила её и отдала с запозданием. Сколар заметил это. Его кривая улыбка исчезла, но он предпочёл промолчать.

— И ты, конечно, знаешь, как сделать из обрезков колышки? — спросил Гвард.

— Нет. Я знаю, как сделать их такими, чтобы они были полезны для нас.

Он отступил от доски на полшага, как отступают, чтобы увидеть человека целиком. Изучал её лицо так же долго, как до этого — мешок с вещами: без снисхождения, но и без спешки, с тем особым вниманием, какое он приберегал для вещей, от которых зависела жизнь. Сколар наблюдал за ними со стороны, скрестив руки.

— Там не чинят ошибки, — сказал Гвард. — Там за них платят сразу.

— Здесь тоже.

Он хотел ответить. Сколар видел, как дрогнул уголок его рта, как качнулся кадык. Но Гвард промолчал. Только сжал флягу — двумя пальцами, за горлышко, и поставил её так, будто та весила больше, чем была на самом деле.

Джови смотрел на Риолу слишком открыто. Смотрел так, как смотрят на огонь: не решаясь, но не в силах отвернуться. Заметил это — и дёрнул головой, опустил глаза к корзине. Поздно.

Гвард это видел. Он перевёл взгляд на вещи на доске, потом на Риолу. Его лицо на миг сделалось усталым — не от разговора, а от какого-то старого, привычного груза, который он носил не на плечах, а глубже, там, где не разгружают.

Теперь ему придётся следить ещё за двумя дыханиями и двумя парами шагов. Хотя после голосования он ждал и втайне, даже от себя, надеялся на их приход. Но теперь, дорога стала

тяжелее — и впервые перестала быть способом исчезнуть. И между надеждой и фактом встало сомнение.

Риола стояла неподвижно, как уже принятое решение. Даже волосы у неё не шевелились.

Сколар перевёл взгляд с неба на Гварда, потом на Джови. Ухмылка появилась сама собой, раздвинула седые усы.

— Ладно, — сказал он. — Этот хотя бы умеет носить тяжесть. — Он кивнул на Джови, и тот выпрямился, как под лучом. — А эта умеет делать так, чтобы тяжесть не развалилась у нас в руках.

Он помолчал, посмотрел на Гварда — уже без усмешки.

— Бери обоих.

Гвард долго смотрел на Сколара. Ему нужна была поддержка, чтобы сломать сомнение. Под навесом стало слышно, как где-то капает вода: по капле, с большими паузами, и каждая падала в тишину, как в колодец. Потом Гвард посмотрел на Джови — тот изо всех сил старался не податься вперёд, но всем телом уже был там, за тросами. Потом — на Риолу.

Она не отвела взгляда. Он снова посмотрел на пустую флягу.

Не балласт, подумал он. Причина идти. И решил.

— Хорошо, — сказал он. — Берите только то, что сможете не бросить.

— Когда выходим? — спросил Джови.

— На рассвете через два-три дня, по мере готовности. Джови — фляги и верёвка. Риола — колышки и плащи. На Сколаре еда.

Джови едва не расплылся в улыбке, но тут же поджал губы и выпрямился, будто получил приказ. Пальцы до белизны сжали ручку корзины, и он качнулся с пятки на носок, как человек, который уже тащит весь груз. Риола едва заметно склонила голову — не согласие, а подтверждение, что всё услышано.

Сколар удовлетворённо крикнул и вытер ладонь о полу куртки.

— Вот теперь похоже на экспедицию. — Он кивнул своим мыслям. — А не на медленное самоубийство с пустой флягой.

За границей острова беззвучно вспыхнула багровая молния.

Секунда тишины. Потом низкий рокот прошёл через камень под ногами — не звуком даже, а дрожью, которая поднялась через подошвы в колени, в грудь, в зубы. Джови переступил с ноги на ногу. Сколар удержал равновесие, не глядя. Риола стояла как прежде.

По доске прошла мелкая дрожь. Колышки тихо соприкоснулись; фляга качнулась, но устояла.

За их спинами остров продолжал работать: камни, тросы, вёдра, мох. Всё как было.

Только под навесом уже стояло четверо.

И пустая фляга больше не казалась просто пустой.

Глава 5. Подготовка.

К вечеру небо над островом опустилось ещё ниже. Оно перестало быть пространством и стало тяжестью. Воздух сгустился; каждый вдох приходилось проталкивать в грудь. По маслянистому пологую, не смешиваясь, ползли ядовитые цвета: охра, зелень, ржаво-красный. Медленно, тяжело, будто каждая полоса тащила за собой собственный вес.

Иногда они сталкивались, образуя грязные, мутные завихрения, похожие на кровоподтеки на теле мира. Временами всё это пульсировало изнутри, и тогда Гварду казалось, что у неба есть дыхание и оно чужое. Небо медленно расширялось и сжималось. В ушах поднимался гул, и начинали болеть зубы.

С утра у него ныло за левым глазом — будто там медленно проворачивали затупившееся сверло. Это была не усталость. Предчувствие. Так, бывало, перед переходом: небо давило на глаза, виски, основание языка. Он привык, но привычка не делала боль тише.

Он стоял у доски с припасами и перекладывал вещи. По одной. Брал предмет, поднимал к лицу, шурился, поворачивал в пальцах, ставил обратно. Всё молча. Кожа перчаток поскрипывала на сгибах, и этот скрип был единственным звуком, который он издавал. Перчатки были старыми, многократно латанными грубой нитью, пахнувшими потом и оружейной смазкой. Иногда он трогал вещь дольше, чем нужно, — не потому, что сомневался, а потому что хотел дать рукам дело, пока голова занята другим. Он думал о том, сколько таких переходов он уже совершил и сколько ещё сможет вынести, прежде чем его собственный разум начнёт пульсировать в такт ядовитому небу.

Под навесом пахло сухой пылью, старой ржавчиной и тряпьем, долго лежавшим в темноте. Пахло и самим островом — сладковато, как подгнившая трава, с примесью озона, который после каждой беззвучной вспышки оседал на языке металлическим холодком. Сырость впитывалась в одежду, делая её тяжелой и липкой, а странный аромат гниения напоминал о том, что даже сам камень острова под их ногами не вечен и поддается эрозии Метаморфоз.

За краем острова полыхнуло. Резко, без предупреждения. Свет был таким ярким, что прорезал даже закрытые веки, оставляя после себя фиолетовые пятна в глазах. Белая трещина разорвала узор над горизонтом сверху вниз и погасла, не оставив следа. Гвард не обернулся. Он досчитал про себя до четырех. Один — замирает сердце. Два — кровь стучит в висках. Три — пыль начинает вибрировать. На «четыре» пришёл рокот — низкий, вибрирующий, не столько слышимый, сколько ощутимый ступнями. Звук шёл из самых глубин пустоты, окружающей их остров, проходя сквозь толщу скалы и поднимаясь к подошвам сапог. Каменная плита под ногами едва заметно дрогнула. Пыль приподнялась между досок навеса и висела в воздухе, словно в невесомости, хаотично двигаясь в лучах ржавого света, прежде чем найти покой на поверхности припасов. Здесь всё оседало медленнее, чем положено, физика этого места постепенно сдавала позиции, уступая место законам полей Метаморфоз.

Сколар сидел на перевернутом ящике. Ящик был сколочен из обломков старой обшивки, на нем ещё виднелись следы полустёртых маркировок на забытом языке. Поза была неудобная, колени торчали в стороны, спина согнута, но он сидел так уже час и не шевелился. Его неподвижность была сродни поведению ящерицы, которая замерла на солнце, выжидая добычу или прячась от хищника. Перед ним на расстеленной тряпице лежал крепёж — крючья, скобы, дужки, обрезки проволоки, пара заклёпок. Он брал железку, подносил к глазам, цокал языком и бросал либо в один мешочек, либо в жестянку у ноги. Жестянка отзывалась коротким звяком, и звук этот повторялся через неравные промежутки, как капли с крыши.

Джови ходил рядом. Он вообще не умел стоять на месте: переступал, перекладывал вещи из руки в руку, оглядывался на каждый звук. В руках у него каким-то образом помещалось сразу много: две фляги, моток верёвки, фильтр, который он вертел перед глазами с таким лицом, будто держал не тряпицу с углём, а что-то, что сейчас рассыплется в пальцах от неосторожного дыхания. Ходил он осторожно, но выходило всё равно шумно: то заденет локтем стойку навеса, то зацепится ремешком сумки за угол ящика. Каждый раз он коротко охал, поправлял вещи, и через минуту всё повторялось. Он старался быть полезным и от этого мешал ещё больше. Сколар не поднимал головы, но Гвард видел, как у старика дёргается жилка на виске всякий раз, когда Джови задевает что-нибудь.

Риола укладывала вещи в мешки. Без суеты. Её мешки были из плотной, непромокаемой ткани. Она брала предмет, разворачивала, проверяла, снова сворачивала и опускала в мешок — ровно туда, где ему было место. Каждое движение было выверено, как в танце или в хирургической операции. Ни одного лишнего движения. Гвард ловил себя на том, что следит за её руками краем глаза, хотя старался не смотреть. Руки у неё были ловкие, с тонкими запястьями, и работала она так, будто заранее знала вес каждой вещи и место, куда та ляжет. В её точности было что-то магическое, противостоящее хаосу, который творился в небе. Это волновало его

больше всего. Но и вместе с тем Гварда раздражало, что даже в такую минуту у него остаются силы на чувства, которые он давно считал обузой.

Гвард перевёл взгляд на доску. Ему нужно было прервать этот поток мыслей, вернуть себе контроль. Положил на место моток проволоки, взял флягу, встряхнул. Вода глухо плеснула внутри.

— Нет, — сказал Сколар.

Слово оборвало шорох вещей. Гвард не обернулся, но услышал, как Джови замер. Тишина вышла мгновенная, полная, как будто кто-то накрыл площадку ладонью. Даже ветер, казалось, перестал свистеть в щелях навеса, ожидая продолжения.

— Что — нет? — спросил Джови и голос у него дрогнул, как у человека, которого застали за чем-то стыдным.

— Что бы это ни было, — сказал Сколар, не поднимая головы, — нет.

Старик продолжал рассматривать очередную скобу, поворачивая её так, чтобы ржавый свет падал на возможные микротрещины.

— Это запасной крюк, — произнёс Джови и поднял предмет, который он с таким трудом отыскал в грудах хлама. Крюк был тяжелым, из серого железа, покрытого тонким слоем рыжего налёта.

— Это кусок чьей-то ностальгии по железу. Он гнутый, — спокойно сказал Сколар

Джови поднёс крюк к глазам. Он пытался найти тот самый дефект, о котором говорил старик, но его глазам не хватало опыта. Гвард обернулся ровно настолько, чтобы видеть его профиль. На лице парня читалось отчаяние человека, который хочет быть полезным, но терпит фиаско в мелочах. Парень зажал крюк между большим и указательным и попробовал выпрямить. Пальцы напряглись, побелели на суставах, на шее выступила жила. Джови весь подался вперед, вкладывая в это бессмысленное действие всю свою неуёмную энергию. Крюк не поддался — только слегка скрипнул. Этот скрип был жалобным, почти человеческим стоном усталого металла.

— И если ты сейчас скажешь, что он «может пригодиться», — продолжал Сколар всё тем же ровным, ленивым голосом, — я заставлю тебя тащить всё, что «может пригодиться». Включая вон тот камень.

Он кивнул, не глядя, куда-то в сторону стены, где у основания лежал обломок плиты. Обломок весил не меньше тридцати фунтов и был покрыт едким зелёным лишайником.

— Камни тоже иногда пригождаются. Особенно когда ими бьют по голове.

Джови медленно, не отрывая взгляда от старика, положил крюк обратно на край ящика. Положил и отдернул руку, будто обжёгся. Отказ Сколара был для него ударом, который он пытался перенести с достоинством, но выходило плохо.

— Понял, — сказал он тихо.

Несколько секунд было спокойно. Ветер с полей Метаморфоз толкнул под навес волну сухого воздуха. Он пах озоном, сладкой гнилью и ещё чем-то — холодным, как металл, долго лежавший на морозе. Гвард почувствовал, как этот ветер прошёлся по лицу, и на секунду закрыл глаза. Ему показалось, что невидимые пальцы Метаморфоз касаются его кожи, проверяя его на прочность перед тем, как взяться всерьёз.

Джови уже тянулся к следующему предмету. Его энтузиазм невозможно было подавить надолго, он снова искал чего-то, что могло бы послужить оправданием его присутствия здесь.

— А это?

Он поднял небольшой цилиндр, обмотанный несколькими слоями потемневшей марли.

— Это фильтр, — ответил Сколар, не меняя позы. Его внимание было приковано к очередной заклёпке.

— Я знаю, что фильтр. Просто... — он замолчал, повертел вещь в пальцах. — Он настоящий?

Сколар наконец поднял взгляд. Глаза у него были светлые, выцветшие, с красными прожилками, и смотрели без всякого выражения — так смотрят на стену.

— Нет, Джови. Игрушечный. Чтобы вода перед смертью посмеялась над нами.

Джови дёрнул уголок рта. Не то смутился, не то хотел улыбнуться. Улыбка всё-таки вышла — кривоватая, детская, и от неё у Гварда что-то сжалось под рёбрами. Эта улыбка была слишком живой для места, которое медленно умирало.

— Я просто никогда не видел такой близко.

Джови осторожно провёл пальцем по марле, ощущая под ней твердость угольной крошки.

— Берем только то, что работает. — Сколар вернулся к крепежу, и жестянка снова звякнула. — Еду. Воду. Инструменты. Тросы. Фильтры. Защиту. Остальное остаётся здесь.

Он произносил это как заповедь, которую каждый из них должен был выжечь в своей памяти.

Риола ничего не сказала. Она была воплощением действия, лишённого словесного мусора. Риола взяла один из мотков верёвки и провела пальцами по волокнам — не торопясь, как по чужой шерсти. Её пальцы чувствовали каждую неровность, каждый узел, каждую возможную точку разрыва.

Она остановилась на внутреннем витке. Её пальцы замерли, как у музыканта, почувствовавшего фальшивую ноту.

— Эту не брать, — сказала она.

Голос у неё был тихий, но такой, что перекрыл и ветер, и далёкий рокот, и звяк жестянки, и в нём не было места для возражений.

Сколар повернулся к ней всем корпусом. Ящик под ним скрипнул, и Гвард услышал, как у старика хрустнуло в поясице — сухо, как ломается ветка.

— С чего вдруг?

В вопросе Сколара слышалось не столько недоверие, сколько желание получить профессиональное подтверждение.

Она не ответила сразу. Взяла моток обеими руками, поднесла ближе к свету, хотя света под навесом почти не было — только тот ржавый, текучий, что просачивался с полей Метаморфоз сквозь щели в навесе и делал все лица нездоровыми.

В этом свете её лицо казалось высеченным из слоновой кости, холодным и прекрасным одновременно. Показала участок возле самого входа в моток. Там, где витки прилегали друг к другу особенно плотно. Её палец указал на едва заметное истончение волокон, почти скрытое под общим слоем оплётки.

— Здесь её пережало, — сказала Риола. — Долго. Снаружи целая, внутри мёртвая.

Гвард подошёл. Он сделал это, не думая, — просто оказался рядом, на расстоянии вытянутой руки. Он подошёл раньше, чем успел решить, нужно ли это. Взял верёвку из её рук. На секунду их пальцы оказались рядом, но не соприкоснулись. Между пальцами остался едва заметный зазор. Гвард всё равно отдёрнул руку.

Согнул верёвку. Она подалась, но не так, как должна была. Сопротивление волокон было неоднородным, словно внутри скрывалась пустота. Внутри что-то хрустнуло — несколько волокон лопнули с тихим сухим треском, похожим на звук ломающегося ногтя. Гвард поднял моток выше, разглядывая место излома. В свете вспышек Метаморфоз разрыв казался чёрным провалом.

— Видите? — Он показал лопнувшие волокна.

Джови сглотнул. Кадык у него дёрнулся, и он шагнул ближе, вытянув шею. Парень смотрел на разрушенную веревку с ужасом, будто осознавал, насколько хрупким был мир, в котором он привык доверять вещам.

— Я бы не заметил, — сказал он почти виновато.

— Поэтому и слушай, когда тебе говорят «нет», — буркнул Сколар.

Он хмыгнул — короткий выдох носом, без улыбки. Вернулся к своему крепежу, но Гвард видел, что старик больше не смотрит в жестянку. Он смотрел на Риолу. Этот взгляд был долгим, задумчивым, в нем читалось новое понимание её роли в их маленьком отряде. Не так, как смотрел Джови — с открытым обожанием, — а пристально, оценивающе, как смотрят на человека, который внезапно перестал укладываться в привычную картинку.

— Верёвка у нас теперь с характером, — сказал Сколар. В этих словах была скрытая дань уважения.

— Нет. — Риола взяла моток обратно и отложила в сторону, к вещам, которые не пойдут. — Просто плохая.

Она не смотрела на него, когда говорила. Её внимание уже переключилось на следующий предмет, её мозг работал как сито: пропускал лишнее, задерживал негодное. Гвард заметил, как у неё дрогнула жилка на шее — быстро, один раз. Это было единственным признаком того, что напряжение все же находит выход даже в ней. И отвёл взгляд, потому что снова поймал себя на том, что смотрит слишком долго. Не на верёвку. На неё. Его воля начинала давать сбои, и это пугало его сильнее, чем приближающийся переход.

Он уже так делал. Смотрел вскользь. На руки. На шею. На то, как она откидывает волосы с лица одним движением головы — коротким, злым, как будто волосы ей мешают жить. На то, как она стоит у края площадки и смотрит на поля Метаморфоз, не боясь. Большинство людей на острове старались не смотреть туда без нужды. Риола смотрела. И в этом было что-то, от чего у Гварда сжималось в груди — не нежность, а скорее тревога.

Он одёрнул себя. Он должен был оставаться Гвардом. Тем, кто доведёт остальных. Впереди был переход. Люди, которые собираются шагнуть за грань, не имеют права таскать с собой лишний груз. И чувства были самым тяжелым из всех грузов, которые он когда-либо пытался нести. Но дело было не в том, что Риола могла стать грузом. Грузом становился его страх за неё. Потому что за неё он боялся бы больше, чем за себя.

Риола взяла со стола старый компас. Медный, с вытертым до белизны ободком. Компас выглядел как артефакт из забытой эпохи, когда стороны света ещё имели смысл. Стрелка дёрнулась, задрожала, замерла на месте. Стрелка рванулась, дёрнулась, будто пыталась куда-то указать, и снова пошла по кругу — бессмысленно, как метания пойманной птицы. Здесь даже север не мог удержаться на месте.

Джови наклонился, едва не ткнувшись носом в стекло. Его любопытство было неисчерпаемым, он все надеялся найти в этих старых вещах ответы, которых не было у людей.

— Он сломан?

В его голосе слышалась надежда на то, что это все же техническая неисправность, а не распад мира.

— Здесь всё сломано, — сказал Сколар. — Некоторые вещи просто честнее остальных.

Риола тихо постучала ногтем по корпусу. Раз. Звук был коротким, сухим, как щелчок взводящегося курка. Стрелка сделала резкий рывок влево, дёрнулась, будто пыталась куда-то указать, и снова пошла по кругу.

— Крепление оси разбито, — сказала она. — Врать начнёт не сразу. В самый удобный момент.

Она знала толк в предательстве вещей и не питала иллюзий.

— Вот ведь неприятно умная, — пробормотал Сколар. В его устах это была высшая степень похвалы, смешанная с легким недовольством от того, что его опыт перестал быть уникальным.

Это прозвучало почти ласково, и Гвард невольно глянул на старика. Тот уже снова перебирал крепёж, но уголок рта у него дёргался — не то усмешка, не то судорога. Сколар редко проявлял эмоции, и это движение было подобно трещине в столетнем льду.

Риола никак на это не ответила. Просто отложила компас к плохим вещам и вернулась к мешку. Она не нуждалась в похвалах, её удовлетворение черпалось из правильности совершаемых действий. Движения у неё были ровные, спокойные, и только Гвард, стоявший ближе всех, видел, как чуть-чуть побелели её пальцы на ляжке мешка, прежде чем она заставила их расслабиться.

Джови смотрел на неё. Восхищённо и совершенно не таясь. Для него она была героиней легенд, сошедшей со старых страниц, — решительной, знающей, недостижимой. Потом спохватился, будто его поймали за подглядыванием, и стал очень внимательно разглядывать флягу, которую держал в руках, — как будто в ней вдруг появилось что-то новое. Он неуклюже пытался скрыть свое увлечение, но его уши пылали так ярко, что это было заметно даже в ржавых сумерках. Гвард заметил, как парень при этом сглотнул и дёрнул плечом. Эта неловкость юности вызывала у него одновременно и жалость, и зависть.

Гвард ничего не сказал. Молча вернулся к доске. Его молчание было его щитом, его способом не допустить хаос внутрь.

Он разложил перед собой то, что предстояло взять. Каждый предмет был проверен не раз, но сейчас он чувствовал необходимость ещё одного осмотра. Две фляги — в разные места. Это было правило, написанное кровью тех, кто потерял всю воду при падении одного мешка. Сухари в тканевых мешочках, просушенные ещё вчера. Запах сухого хлеба был единственным домашним запахом, который они забирали с собой. Высушенный мох, пахнущий йодом. Этот мох был их единственным лекарством, способным остановить инфекцию в мире, где раны отказывались заживать. Ножи, завернутые в промасленную тряпку. Фильтры. Карабины. Тросы. Перчатки. Все это оборудование было их внешним скелетом, поддерживающим хрупкие тела. Плащи, пахнущие воском и старостью. Он трогал каждую вещь, проверял крепления, затягивал ремни. Работа успокаивала, но ненадолго. Она была лишь временной анестезией, не способной вылечить причину его тревоги.

Он отошёл к низкой полке у задней стены навеса. Эта полка была его алтарём, местом, где хранились обрывки его прошлой жизни, которую он никак не мог окончательно отпустить.

Полка была неширокая, сколоченная из тёмных досок, кое-где расщеплённых по кромке. На ней лежали вещи, которым не было места ни в одном мешке. Это были якоря, удерживающие его в реальности, которая давно уплывала из-под ног. Обломок деревянной игрушки — не то конь, не то собака, уже не разберёшь, гладкий от бесконечных прикосновений. Гвард не помнил, чья это была игрушка, но его руки помнили её форму лучше, чем лица его близких. Кусок ткани, выцветшей до серого. Ткань сохраняла слабый аромат чего-то давно забытого — может быть, духов, а может, просто чистого летнего воздуха. Старый металлический жетон с обломанным ушком. Цифры на нем стерлись, оставив лишь намёк на личность, которой он когда-то принадлежал. Несколько пуговиц, почерневших по краям, как будто их достали из огня. И фотография. Она была вершиной этой пирамиды памяти.

Гвард долго смотрел на неё. Его взгляд скользил по выцветшим контурам, пытаясь восстановить детали, давно стертые временем.

Снимок был старый, затрёпанный по углам, почти белый от времени. Бумага была тонкой и хрупкой, она рассыпалась бы в пыль, если бы он не хранил её в пластиковом конверте, чудом уцелевшем с прежних времен. Лица исчезли. Остались только расплывчатые пятна — очертания людей, стоящих рядом. Кто-то держал на руках ребёнка. Или не ребёнка. Пятно было слишком нечётким, чтобы понять, кто это был, но поза выражала крайнюю степень защиты и нежности. Позади — не то стена, не то небо. Теперь уже не разобрать, да и какая разница.

Он не прикасался к ней. Боялся, что одно прикосновение разрушит это хрупкое доказательство его существования до острова. Просто стоял и смотрел.

За спиной у него продолжали собирать вещи. Голоса доносились как сквозь воду. Мир припасов и подготовки казался нереальным по сравнению с этими белыми пятнами на бумаге.

— Две фляги в общий мешок не класть, — сказал Сколар. — Если потеряем мешок, останемся без воды.

— Значит, распределить? — в голосе Джови было оживление, как у человека, который наконец догадался сам.

— О чудо. Он учится.

— Малые фляги ближе к телу, — добавила Риола. — Так меньше бьются.

— Я могу взять две, — предложил Джови.

— Ты можешь взять одну, — Сколар не смотрел на него. — И не изображать из себя телегу.

— Но я таскал воду от нижнего колодца.

— Ты уже говорил. Колодец, двенадцать ходок, герой мокрой спины.

— Тринадцать, если наверху не хватает.

Сколар поднял голову, сурово посмотрел на Джови поверх крепежа. Так, что парень переступил с ноги на ногу

— Не порть мне ворчание подробностями.

Гвард взял фотографию. Он не спрятал её сразу. Держал между пальцами, как держат что-то, что боишься смять, но и выпустить не можешь. Она была его единственной связью с миром, где небо было голубым, а земля — неподвижной. Бумага была тонкая, как крыло, и тёплая — впитала тепло его руки за те секунды, что он стоял рядом. Ему казалось, что это тепло — остатки жизни тех людей, что были на ней изображены.

Риола заметила. Она не стала разглядывать — только один короткий взгляд, и снова к мешку. В этом взгляде было понимание и сочувствие, которое она умела скрывать лучше всех. Но Гвард почувствовал этот взгляд, как лёгкое прикосновение к затылку. Это прикосновение было интимнее любого физического контакта. И на секунду, всего на одну, ему захотелось обернуться и встретить его. Он не обернулся.

Джови тоже склонился на фотографию. И тут же отвёл глаза, будто его поймали за подглядыванием в чужое окно. Для него личное пространство Гварда было священным, и он боялся потревожить его призраков.

— А вещи... такие... можно? — спросил он нерешительно. Его вопрос относился не к самой фотографии, а к праву брать с собой вещи, не имеющие отношения к выживанию.

Сколар уже открывал рот. Наверняка у него была наготове едкая фраза о лишнем весе и сентиментальности.

— Нет, — сказал Гвард. Это было ответом не только Джови, но и самому себе.

Джови замолчал, втянул голову в плечи. Гвард всё ещё смотрел на снимок. Потом добавил тише:

— Почти нет.

Сколар усмехнулся — уголком рта, без злости. Он понимал ценность призраков лучше, чем хотел показать.

— Функциональный подход, значит.

Он признал право Гварда на это маленькое безумие.

Гвард убрал фотографию во внутренний карман. Под тунику, ближе к телу. Снимок лег прямо напротив его сердца, став ещё одним слоем его брони. Край снимка ещё секунду белел в прорези, потом исчез. Он поправил ткань, чтобы не торчала. Гвард скрывал свое сокровище от мира, боясь, что поля Метаморфоз могут его осквернить.

— Она ничего не весит, — сказал он. Это оправдание звучало жалко даже для него самого.

— Самое опасное обычно ничего и не весит, — сказал Сколар и был прав: ни одно оружие не могло причинить столько боли, сколько воспоминание о потерянном рае.

Повисла пауза. Мир вокруг них казался замершим в ожидании их решения. С полей потянуло холодом — не настоящим, а тем особым холодом, который ползёт не по коже, а по костям, как будто его вдувают прямо под одежду. Это был холод самого небытия. Гвард вернулся к доске, обвёл взглядом разложенные вещи. Фляги, мешки, тросы, ножи, фильтры, плащи. Всё аккуратно, всё по местам, как он любил. Ему вдруг стало тесно под навесом, как будто воздуха здесь стало меньше. Плотность реальности продолжала расти, сжимая его грудную клетку.

— Слушайте внимательно.

Его голос стал глубже, в нем прорезались командные нотки, которые не терпели неповиновения.

Джови выпрямился так резко, что фляги в его руках звякнули друг о друга. Это звяканье прозвучало как сигнал тревоги. Сколар перестал перебирать крепёж. Риола замерла с ремнём в руках, и Гвард снова почувствовал на себе её взгляд — на этот раз прямой, внимательный. Это был взгляд сообщника, готового идти до конца.

Он смотрел на припасы, а не на них. Он боялся встретиться с ними взглядом, боялся увидеть в их глазах свои собственные страхи.

— Всё, что мы собираем, нужно не для полей Метаморфоз.

Эта фраза должна была разрушить их последние иллюзии.

— А для чего? — спросил Джови тонким голосом и в нём отчётливо слышался страх перед неизведанным.

— Они пригодятся между переходами, — ответил Гвард и продолжил. — На других островах. Для воды, когда она есть. Для камня, когда он держит. Для тросов, если есть к чему цепляться. Для ран, если их можно закрыть. Для холода, если от него помогает плащ.

Он взял со стола старый карабин, проверил затвор и убрал в мешок. Движение вышло почти нежным, как у человека, привыкшего доверять железу больше, чем словам. Сталь была его единственным верным другом во всех этих странствиях.

— Поля — это другое.

За границей острова прошла длинная зеленоватая вспышка. Узоры над горизонтом на несколько секунд стали ярче, будто кто-то повернул невидимый фитиль. Гвард досчитал про себя до трёх, и рокот пришёл — на этот раз глубже, как будто где-то под островом ворочался огромный камень. Остров стонал под давлением полей Метаморфоз и его тело сопротивлялось распаду из последних сил.

— Поля — это Грань, — сказал Гвард. — Ты переходишь её и перестаёшь понимать, сколько прошло времени. Шаг. Час. День. Год.

Джови слушал, забыв про фляги. Они висели у него в опущенных руках, и вода в них тихо плескалась в такт его дыханию. Парень был похож на статую удивления, столкнувшуюся с непостижимой реальностью.

— Там сон наяву. Реальность, которая выворачивает тебя наизнанку.

Сколар отложил крепёж. Его руки замерли на коленях, и Гвард впервые за вечер видел их неподвижными. Риола не двигалась. Даже ремень в её пальцах перестал поскрипывать. Они все слушали его, потому что он был единственным, кто мог облечь их общие страхи в слова.

— И мы пойдём через это? — спросил Джови. В его вопросе была последняя надежда на то, что есть другой путь.

— Да. — Ответ Гварда был коротким и окончательным.

— Тогда как мы попадём на другой остров? — Техническая сторона вопроса была для Джови единственной соломинкой, за которую он мог ухватиться.

— Просто перейдя Грань в направлении другого острова.

Джови смотрел на него, ожидая продолжения. Гвард молчал. Он давал парню возможность осознать масштаб того, на что он подписался. Джови поставил фляги у стойки.

— А где направление? — Этот вопрос был ключевым для их выживания.

Гвард развернулся и вышел на открытое пространство. Его шаги были тяжелыми, они оставляли глубокие следы в пыли.

Остальные пошли за ним — не сговариваясь, как будто его спина сама потянула их вперёд.

Гвард остановился.

— Смотри вдоль линии горизонта.

Джови напрягся. Он смотрел, но смотрел не туда — на свет, на яркие разводы, на то, что само лезло в глаза. Гвард видел, как бегает его зрачки, как он то сжимает, то разжимает пальцы. Его взгляд метался между яркими разводами и всякий раз сбивался. Гвард положил ладонь ему на плечо.

— Узоры Метаморфоз двигаются непрерывно, — тихо сказал Гвард. — Но в некоторых местах движения нет.

Джови перевёл взгляд. Не туда. Ещё раз. Он мотал головой, искал, и от напряжения у него на лбу проступила тонкая складка. Он отчаянно хотел увидеть то же, что видел Гвард, но его глаза ещё не привыкли к логике полей.

— Не пустота. Не темнота. Место, которое волны обходят, — продолжал Гвард, направляя взгляд Джови.

Риола смотрела молча. Гвард видел её боковым зрением: она не дёргалась, не шурилась. Глаза двигались медленно и точно, будто она читала горизонт слева направо, строчку за строчкой. Ветер шевелил её волосы, и они то закрывали, то открывали лицо, а она не убирала их — просто смотрела сквозь.

— Они как камень в потоке, — продолжал Гвард. — Только камня нет. Волны идут вокруг. Там другой остров.

Долгая пауза. С полей Метаморфоз потянуло ветром, и ветер этот был тёплый и влажный. Гвард почувствовал, как волосы на затылке приподнялись. Это был биологический страх перед лицом чего-то бесконечно большего, чем человек. Пахло озоном, сырым камнем и той же сладкой гнилью, только гуще, ближе. Этот запах был предвестником приближающегося перехода.

Джови вдруг подался вперёд, вцепился пальцами в собственные бёдра. Он наконец нащупал взглядом то, что искал.

— Да. Я вижу.

Сколар покосился на него.

— Не может быть. — Старик не верил, что новичок может так быстро освоить искусство видения полей Метаморфоз.

— Вон. Там. — Джови вытянул руку, указывая не пальцем, а всей ладонью, как показывают на что-то очень далёкое. — Узоры вокруг расходятся. Будто... будто место сухое.

Он описывал аномалию покоя в океане хаоса.

Гвард посмотрел туда, куда он указывал. Там, среди медленного половодья света, было пятно. Не тёмное. Скорее, никакое. Узоры огибали его, как вода огибает подводный камень, и в этой огибающей дуге было что-то до тошноты правильное. От этого правильного веяло холодом. Это была «дверь» в другой мир, холодная и равнодушная.

— Одна, — сказал Гвард.

Риола чуть повернула голову. Её взгляд встретился со взглядом Гварда, и в этом обмене информацией было больше правды, чем во всех словах.

— А вон другая. — Она нашла свою цель с лёгкостью хищника, отслеживающего добычу.

Риола не подняла руку. Показала взглядом — Гвард проследил за направлением её глаз и нашёл второе пятно, чуть правее, почти у самого края видимого. Он кивнул, не глядя на неё.

— И третья, — сказала она после паузы. — Левее зелёного разрыва.

Сколар встал, крихтя, отряхнул колени, недовольно сощурился в горизонт.

— Где левее? — Его зрение, некогда острое, начинало сдавать, и это злило его.

— Там, где зелёные линии будто обрываются, — подсказал Джови. Он был горд тем, что теперь может помочь самому Сколару.

— Они везде обрываются. — Сварливость старика была его защитой от осознания собственной немоши.

— Нет, — Риола не отрывала взгляда от горизонта. — Там они возвращаются.

Она видела циклическую природу узоров, скрытую от других.

Сколар долго смотрел. Он не шурился уже — просто смотрел, и ворчание сходило с его лица, как пыль под дождём. В его глазах отразилось осознание правоты Риолы.

— Я тоже вижу, — сказал Сколар.

— Точки фиксации... — Сколар произнёс это не им, а себе, еле слышно. — Проклятье.

Он осознал простую истину, которая ускользала от него.

Сколар задумался и в этой паузе рождалось понимание их будущего пути.

— Я видел их, но считал помехами. Как же я... — Он винил себя за слепоту, за годы, проведенные в неведении у самого порога спасения.

Сколар не закончил. Гвард видел, как у старика шевелятся губы, будто он перебирает невидимые числа. Сколар снял шапку, провёл ладонью по седым волосам, снова натянул её на лоб. Это был жест человека, который нашёл ошибку в собственном старом расчёте и теперь не может понять, как её пропустил. В его душе боролись разочарование и научный азарт.

— Сейчас по горизонту острова их семь, — сказал Гвард.

Джови заозирался, пытаясь найти все разом. Голова у него дёргалась, как у птицы. Он пытался объять необъятное, рискуя потерять рассудок от избытка противоречивой информации.

— Семь неподвижных мест среди движения. Семь направлений. Каждое ведёт к отдельному соседнему острову. — Гвард объяснял структуру их вселенной, состоящей из редких обломков тверди в океане хаоса.

— А если их станет меньше? — спросила Риола.

— Значит, какой-то путь закрылся. И остров ушёл дальше.

— Острова двигаются? — выдохнул Джови. Эта мысль была для него слишком грандиозной и пугающей.

— Всё движется, — сказал Сколар. Он всё ещё смотрел на горизонт, и голос у него был ровный, почти сонный. — Просто кое-что слишком медленно, чтобы мы успели испугаться.

Гвард обернулся к нему.

— Куда идти, Сколар? — Он возвращал старику право решающего слова, признавая его авторитет.

Старик не ответил сразу. Он взвешивал шансы, анализировал риск каждого из семи путей.

Он стоял, и ветер шевелил седые волосы, выбившиеся из-под шапки. Потом медленно повернулся вокруг себя. Не как человек, который осматривается. Как человек, который слушает. Только слушает не ушами.

Первый круг. Джови следил за ним с растерянностью, открыв рот. Для парня это выглядело как странный шаманский обряд.

Второй круг. Риола стояла неподвижно, и только глаза её ходили вслед за Сколаром, как у кошки.

Сколар остановился. Его тело замерло, указывая в определенную точку, как стрелка того самого сломанного компаса.

Перед ним был один из неподвижных провалов в движении узоров. Почти незаметный — Гвард сам едва его различал. Волны Метаморфоз обтекали его мягко, без всплеска, без разрыва, как вода обтекает камень, который лежит на дне уже тысячу лет. Это было самое стабильное место в этом бушующем океане.

Сколар поднял руку и ткнул пальцем прямо перед собой.

— Сейчас туда.

Никто не возразил.

Гвард посмотрел в указанном направлении. Там ничего не было — только то самое «ничего» среди света. Это было направление в неизвестность, требующее абсолютной веры.

— Почему именно туда? — Он хотел знать логику, стоящую за выбором, чтобы быть уверенным в завтрашнем дне.

— Объясню, когда окажемся там. — Сколар уклонился от ответа, сохраняя свою таинственность до конца.

Гвард кивнул.

— Хорошо. — Он принял условия игры, зная, что у них нет другого выбора.

Свет Метаморфоз становился ярче — не потому, что светлело, а потому, что вокруг сгустилась темнота. Краски делались гуще, насыщеннее, и от них начинало резать глаза, как от слишком близкого огня. Гвард прищурился. В голове, где-то на самом дне, зашевелилась знакомая тяжесть — предчувствие перехода, которое он научился распознавать. Оно походило на тупую боль в костях перед переменной погоды, только глубже и безнадежнее.

— Темнеет, — сказал он. — Отправимся завтра утром.

Он отсрочил неизбежное на несколько часов, давая им время на последний отдых.

Из глубины площадки раздались шаги. Неспешные, шаркающие, но ровные — так ходит человек, которому уже некуда торопиться. Гвард узнал их раньше, чем увидел Марен. Она вышла из-за груды старых ящиков у дальней стены, и фонарь в её руке качнулся, отбрасывая на камень белое пятно света, которое не ложилось, а висело отдельно, как будто свет сам не знал, куда ему падать.

Марен остановилась в нескольких шагах от группы. Она замерла между ними и тропой к поселению.

— Гвард, — сказала она. В её голосе слышался свинец всех принятых ею решений.

Он обернулся. Остальные замерли. Джови так и не опустил руки, которыми всё ещё держался за бедра, будто боялся потерять равновесие. Они все ждали её приговора или благословения.

— Если ты прав — мы будем ждать, — сказала Марен. — Сколько потребуется.

Она перевела взгляд на мешки, собранные под навесом. — Не ради чуда. Просто ждать — это всё, что остаётся тем, кто остаётся. Если ошибся — нам останется только держаться, пока камень не рухнет.

— Я не прошу благословения, — сказал Гвард.

— Я его и не даю.

Пауза.

— И прощения тоже.

Она смотрела только на него. Фонарь в её руке качался, и белое пятно света ползло по земле, как бледная клякса. Гвард встретил её взгляд и не отвёл. В глазах Марен не было ни страха, ни надежды — только та особая пустота, которая приходит к людям, слишком долго отвечавшим за других.

— И не забудьте попрощаться со своими близкими, — сказала Марен, уже совсем тихо.

Гвард сжал лямку рюкзака чуть сильнее. Кожа скрипнула под пальцами. На секунду из внутреннего кармана показался белый край фотографии, но он не поправил его. Это был его молчаливый ответ на её призыв.

— У некоторых их нет.

Марен посмотрела на Джови. Потом сказала — мягче, чем всё, что говорила до этого:

— Тогда с теми, кто запомнит, что вы ушли.

Она развернулась и пошла к поселению. Тусклый фонарь качался в её руке, и пятно света плыло над камнем, пока не растворилось среди теней, ржавого света и изгибов старой кладки. Шаги стихли не сразу — они ещё долго шуршали по каменной крошке, то тише, то снова ближе, будто звук никак не мог решиться, остаться ему или уйти.

Все молчали. Даже Джови не произносил ни слова. Гвард слышал, как у него сбивается дыхание, как парень то вдохнёт, то забудет выдохнуть. Напряжение достигло своего апогея, став почти физически ощутимым.

Потом Риола тихо застегнула свой мешок. Щёлчок застёжки прозвучал в тишине слишком громко, как выстрел. Все вздрогнули, кроме неё. Это был сигнал к окончанию подготовки и началу ожидания.

Гвард смотрел в темноту. Над горизонтом снова вспыхнула молния, и на секунду узоры Метаморфоз показались живыми — будто дышали, поднимались и опускались, как грудь спящего зверя. Он слышал этот несуществующий вдох и выдох, и в голове у него, как всегда, в последнюю ночь перед переходом, зашевелилась одна и та же мысль: он не знал, вернётся ли. Не потому, что боялся. Просто поля Метаморфоз не давали никаких обещаний.

Он принял неопределенность как единственный путь к возможной свободе.

— Собираем до конца, — сказал Гвард. — Узлы проверить дважды. Завтра всё должно быть на своих местах — когда начнётся переход, времени на перекладывание не будет.

Он возвращал их к рутине, чтобы не дать сойти с ума от осознания будущего.

Они вернулись под навес.

Поели прямо среди собранных мешков: по куску сухой лепёшки и несколько глотков воды. Джови проглотил свою долю первым, но за добавкой не потянулся — Риола уже завернула остатки и убрала их. Следующий привал мог оказаться нескоро.

Риола первой вернулась к работе. Джови молча подтянул к себе мешок с флягами. Сколар взял моток троса и начал перематывать его заново — медленно, виток к витку. Гвард слышал, как старик что-то бормочет под нос — не слова, а обрывки расчётов, которые он гнал от себя, но они возвращались.

Под навесом снова началась тихая работа. Ремни затягивались. Карабины щёлкали. Трос ложился ровно. Фляги расходились по разным мешкам.

Четверо не смотрели друг на друга, но двигались в одном ритме.

За краем острова снова вспыхнула молния.

Глава 6. Прощание.

Настоящего утра здесь не бывало.

Ночь просто становилась менее тёмной. Предметы медленно возвращали себе очертания, а лица — цвет, но ощущения пробуждения не возникало. Мир не просыпался. Он лишь продолжался.

Небо Метаморфоз не светлело — оно выпцветало, как старая ткань, которую слишком долго продержали на солнце. Ржаво-зелёные разводы поднимались выше, медленно, толчками, будто их кто-то тащил за невидимые нити.

Охристый свет ложился на камень, на грубые стены поселения, на кромки навесов. Он ничего не согревал. Только обозначал, что прошло какое-то время и день снова начался.

На востоке не появлялось ни полосы рассвета, ни солнечного диска. Там только сгушалась мутная желтизна, похожая на старый синяк. Иногда в ней проступали тёмные прожилки, изгибались, расплзались и исчезали прежде, чем глаз успевал проследить их путь.

Тянуло ветром со стороны границы. Холодно, влажно. Вода нигде не стояла, не текла, не капала, но воздух был сырой, как над колодезем, как будто сам ветер нёс в себе невидимую влагу и оставлял её на коже, на камне, на губах.

От этой сырости одежда казалась тяжелее, волосы липли ко лбу, а металлические застёжки покрывались тонкой мутной плёнкой. Стоило провести по ним пальцем — оставался

чистый след, который через минуту снова затягивало влагой. Ветер словно медленно метил всё, до чего дотягивался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.